

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Рюмшина Л.И.

Онтопсихология общения: бытийная сущность и формы общения

Учебное пособие

Ростов-на-Дону

2014

Автор: Рюмшина Л.И., д. психол. н., профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Южного Федерального Университета.

Рецензенты: Бреус Е.Д., канд. психол. н., доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Южного Федерального Университета; Габдулина Л.И., канд. психол. н., доцент кафедры психологии личности факультета психологии Южного Федерального Университета.

Печатается в соответствии с решением кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ, протокол № 13 от 22 мая 2014 г. Рекомендовано учебно-методическим советом факультета психологии Южного Федерального Университета в качестве учебного пособия для студентов факультетов психологии высших учебных заведений, протокол № 7 от 23 мая 2014 г.

Компьютерный набор и верстка - ст. лаборанта Бзезян А.А.

Аннотация

Онтопсихология общения – новая область научного знания, возникшая на стыке онтопсихологии и психологии общения. Она расширяет и углубляет представления о функциях, формах, методах исследования общения, его роли в жизни отдельного человека, группы и человечества в целом. В учебном пособии поднимаются вопросы, связанные с бытийной сущностью, функциями и формами общения. В нем рассматриваются теоретико-методологические вопросы психологии, приводятся знания различных наук, что может способствовать не только лучшему пониманию онтопсихологии общения, но и осмыслению многих проблем, поднимаемых различными науками, в том числе и психологическими отраслями (психологией личности, социальной психологией и др.). Особое внимание уделяется культурно-историческому анализу общения, истории развития представлений о бытийной роли общения, как в зарубежной, так и отечественной психологии.

Содержание

	Введение	4
	Общие положения	5
Модуль 1.	Развитие представлений о бытийной роли и функциях общения	6
1.1	Развитие представлений о бытийной роли общения в зарубежной психологии	6
1.2	Развитие представлений о бытийной сущности общения в отечественной психологии	14
1.3.	Литература к модулю	24
1.4.	Контрольные вопросы к модулю	26
Модуль 2.	Бытийная сущность и формы общения	27
2.1	Онтопсихология общения	27
2.2	Онтологическая модель общения	30
2.3.	Онтологические формы общения	35
2.4.	Литература к модулю	41
2.5.	Контрольные вопросы к модулю	42
Модуль 3.	Культурно-исторический анализ онтологических форм общения	43
3.1.	Общение как психоисторическая проблема	43
3.2.	Общение на донаучном этапе культуры	50
3.3.	Общение в период античности	58
3.4.	Особенности общения в средневековье	66
3.5.	Общение в девятнадцатом веке	74
3.6.	Общение в двадцатом столетии	79
3.7.	Социокультурная и общественная опосредованность общения	85
3.8.	Литература к модулю	95
3.9.	Контрольные вопросы к модулю	96
	Заключение	97
	Литература	99
	Итоговые контрольные вопросы	103

Введение

Общение как социально-психологическое явление всегда было в центре внимания отечественных психологов. Оно изучалось как в социальной, так и возрастной, педагогической и других областях психологического знания. Осознание того, что общение – условие человеческого бытия, где проявляется и переживается человеческая сущность, пришло в науку также рано. Однако его бытийная сущность и онтологические формы долгое время ускользали от внимания исследователей и по-прежнему не изучены в полном объеме. Одна из причин этого, сложность самого феномена «общение», а также необходимость для привлечения изучения его бытийной роли и функций общения данных различных гуманитарных наук (философии, истории, социальной антропологии и др.).

Приоритет изучения тех или иных психологических явлений, как известно, определяется не только общественными запросами, но и логикой самой науки. Изменения, происходящие в современной отечественной психологии, позволили и по иному подойти к изучению общения. В учебном пособии «Онтопсихология общения: бытийная сущность и формы общения» поднимаются важные вопросы, связанные с недавно оформившейся междисциплинарной областью знаний «Онтопсихология общения». В связи с этим в его содержании рассматриваются теоретико-методологические вопросы психологии, приводятся знания различных наук, что может способствовать не только лучшему пониманию основ человеческого существования, но и осмыслению многих проблем, поднимаемых различными науками, в том числе и психологическими отраслями (психологией личности, социальной психологией, исторической психологией и др.). Особое внимание уделяется истории развития представлений о бытийной роли общения как в зарубежной, так и отечественной психологии, культурно-историческому анализу общения.

Общие положения

Роль общения в жизни человека, групп и человечества в целом переоценить трудно. По сути то, что мы привыкли называть социальностью психики и есть результат процесса общения. Поэтому в психологии нет другой категории, которая была бы наделена такой значимостью, как категория «общения». Без общения нет личности, группы, общества, культуры, которая сама может быть рассмотрена как опосредованное и деперсонализированное общение. Без общения не было бы и человечества. Поэтому неслучайно, что «общение – герой любого времени и любой теории и концепции», независимо от того идет ли речь о теории личности, теории мотивации и т.д., хотя и присутствует там незримо.

Общение – редкая научная категория, которая для обычного, несведущего в науке человека является не абстракцией, а реальностью, самой жизнью. Вся человеческая жизнь – общение. Общение с собой, другим, другими, культурными и историческими источниками и т.д. Отсутствие или дефицит общения тяжело переживается человеком, а в детстве, как известно, может привести к почти необратимым последствиям.

Что касается науки, то общение выступает и как предмет, объект, но, пожалуй, самое важное - оно выступает методологическим принципом и основой любого исследования. Через общение можно определить все остальные принципы, будь то принципы советской психологии (деятельности, историзма и др.), либо гуманитарной парадигмы (развития, открытости, целостности (холизма); уникальности; принцип единства становления и бытия человека; принцип позитивности и развития; самодетерминированности; активности. Оно является своего рода основанием деления парадигм на естественно-научную и гуманитарную, где оно непосредственно участвует в ее определении, принимая форму диалога, что и является отличительной особенностью гуманитарного подхода.

Ввиду сложности и емкости феномена общения толкование его как

понятия зависит от исходных теоретических оснований исследования. Следует отметить, что общение трудно однозначно определить также потому, что оно – экзистенциальное явление.

Осознание того, что общение – универсальное условие человеческого бытия, где проявляется и переживается человеческая сущность, пришло в науку рано. Благодаря усилиям представителей экзистенциально-гуманистической психологии (Дж. Бюдженталя, А. Маслоу, Р. Мэя, К Роджерса, В. Франкла и др.), такой ракурс рассмотрения общения становится приоритетным и в психологии. Однако его экзистенциальная роль и онтологические функции долгое время ускользали от внимания исследователей и по-прежнему не изучены в полном объеме.

Онтология – раздел философии (от греч. [онто] - сущее, [логос] – учение), т.е. философское учение о Бытие как таковом. Онтопсихология - наука, изучающая внутреннюю сущность человека с позиций ее соответствия человеческой природе, законам Бытия. Именно это соответствие делает позитивным, гармоничным, нравственным и духовным существование человека. Что касается общения, то в онтопсихологии общения научному поиску его экзистенциального содержания, функций, выполняемых в жизни отдельного человека и человечества в целом, отводится центральное место. Целью данного учебного пособия как раз и является раскрытие и обоснование бытийной сущности и форм общения.

Модуль 1. Развитие представлений о бытийной роли и функциях общения

1.1. Развитие представлений о бытийной роли общения в зарубежной психологии

Общение всегда интересовало ученых самых различных специальностей: философов, политологов, социологов, в том числе и психологов. При чем развитие категории «общения» тесно с развитием самой психологической науки. Известно, что до конца девятнадцатого – начала

двадцатого веков психология представляет собой систему умозрительных и несистематизированных концепций и теорий. Это этап приоритета философских размышлений, в том числе и в социальной психологии, очень важен для становления самосознания психологии. Уже начиная с работ Вундта, психология предстает как система, созданная на путях объединения индивидуальной и коллективной психологии, как система, охватывающая сложные психические явления, которые возникают на основе контактов между людьми. Это период становления «общественной», «коллективной», «массовой», «народной психологии», предметом которых, в целом, выступало изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ, проявляющих свою деятельность как целое, благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов. Уже на этом этапе, хоть и в умозрительной форме, осуществлялся онтологический анализ общения.

Начало XX столетия дало научное знание, опирающееся на эмпирические основания, экспериментальные измерения, с применением методов математической статистики. В психологии начинает господствовать естественно-научная парадигма, и анализ бытийной роли общения отходит на второй план. Приоритетным становится исследование конкретного поведения в межличностной сфере, приобретение знаний, навыков жить с другими людьми, способствующих не осмыслению, а скорее выживанию и достижению успехов в конкретном виде деятельности.

Пожалуй, первым, сам того не подозревая, привлек внимание к общению, как центральному явлению в жизни человека, З. Фрейд. Он сделал зависимым жизнь человека от общения со значимыми другими в раннем детстве и, что закономерно вытекает из этого, - лечения с помощью общения, беседы психоаналитика и клиента. Тем самым он создает новый вид психологической практики, основывающийся на общении - психотерапию как лечение словом, с помощью психологического воздействия.

Все последователи классических учений З. Фрейда и Уотсона разрабатывают теории, уже в большей степени основывающиеся на

социальности человеческого существования, Так возникает неопрецидизм, необихевиоризм.

Особая роль в изучении онтологической роли и функций общения принадлежит гуманистической психологии. Возникнув в середине двадцатого столетия в виде протеста против упрощения основ человеческой жизни и человеческого существования, она вновь привлекла внимания психологов к онтологическим проблемам.

Гуманистическая психология изначально претендовала на возрождение многих идей, выраженных древнееврейскими и греческими философами, европейцами эпохи Возрождения и другими мыслителями, анализирующими сугубо человеческие феномены: любовь, ненависть, бытие, ценности, смыслы, самоопределение и самореализацию, свободу и ответственность и т.п. Гуманистическая психология продолжила традиции Древней Греции, определившей личность как основную единицу и высшую ценность жизни, человека как меру всех вещей. Она также органично впитала работы М. Бубера, С. Кьеркегора и других экзистенциалистов (с этим направлением их объединяло общее основание – учение Э. Гуссерля), ассимилировала идеи многих психологов, социальных антропологов. Иными словами, обобщив все, что было ценного в психологии, в том числе и в психоанализе и бихевиоризме – главных ее оппонентов, гуманистическая психология предложила свой «новый взгляд» на природу человека, его развитие и общение с другими людьми [21]. В его основе лежат следующие принципы:

принцип целостности (холизма). Личность – целостное образование, не сводимое к своим составляющим, и должна изучаться в этой целостности;

принцип уникальности. Каждый человек уникален, поэтому анализ отдельных случаев не менее оправдан, чем статистические обобщения;

принцип открытости. Человек открыт миру, переживание человеком мира и себя в мире является главной психологической реальностью;

принцип единства становления и бытия человека. Человеческая жизнь должна рассматриваться как единый процесс становления и бытия человека;

принцип позитивности и развития. Человек обладает потенциями к непрерывному развитию и самореализации, которые являются частью его природы;

принцип самодетерминированности. Человек обладает определенной степенью свободы от внешней детерминации (самодетерминирован) благодаря ценностям и смыслам, которыми он руководствуется в своем выборе;

принцип активности. Человек – активное, интенциональное, творческое существо.

Таким образом, в отличие от естественнонаучного взгляда на человека, где он выступает пассивным, предсказуемым объектом, в гуманистической психологии он активен, свободен и непредсказуем. Феноменологическое познание человека должно предшествовать другим методологическим и теоретическим предположениям. В связи с этим необходимо проводить различие между «описывающим что» и «объясняющим почему», при этом психология должна скорее описывать, чем объяснять, изучать феноменологию состояния человека, а не причинно-следственные связи. В этом процессе нужно принимать во внимание историческое измерение культуры, в которой живет человек, изучать мифы, символы, литературные источники, то есть все то, что воплощает исторические сгустки человеческого опыта. Поэтому смысл любого исследования, согласно представлениям гуманистической психологии, должен состоять в содействии развитию культурного и цивилизованного человека. Исследование должно преследовать не только научные цели, но, прежде всего, помочь человеку расширить представления о собственном внутреннем мире и увеличить осознанность его поведения в общении с другими людьми. Само исследование должно быть обращено к изучению уникальности душевной жизни и связи с действительностью каждого человека. Отсюда, требование к нему - остаться как можно ближе к душевному и жизненному опыту каждого исследуемого. По мнению Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, И. Чайлда и

других представителей гуманистической психологии, эмпиризм позитивистской психологии и субъективный мир экзистенциализма должны быть сбалансированы. Они выработали философию науки, объединившую методы естествознания и феноменологии и признающую приоритетность субъективности [11].

В основе исследования, в соответствии с гуманитарной парадигмой, лежит доверие. Оно обнаруживает себя в признании того, что достоверность результата обеспечивается не множественной перепроверкой на большом количестве испытуемых какого - либо параметра и его усреднением, а учетом многообразия жизненного опыта и многогранности внутреннего мира испытуемых. Кроме этого оно обнаруживает себя и в форме общения исследователя и исследуемого. Исследуемый индивид не столько испытуемый, сколько партнер психолога, равноправный участник исследования (со-исследователь), эксперт - поскольку никто лучше него не знает тот жизненный мир, в котором он живет. В связи с этим сохраняется максимальная активность самого исследуемого человека. Отсутствие четких границ между ролями исследователя и испытуемого позволяет уйти от лабораторности и приблизиться к реальному общению. В процессе диалога становится возможным глубинное понимание, включающее не только отражение фактов, их адекватную трактовку и объективное значение, но и постижение глубинных структур их детерминирующих. Поэтому индивидуальный опыт, получаемый экспериментатором при взаимодействии с исследуемым, содержит уникальную информацию о личности последнего, поскольку индивидуальность исследуемого субъекта поддается выявлению не измерительными процедурами, а в ситуации **со-бытия** с нею.

Таким образом, методология гуманистической психологии может быть описана в гуманитарной (некоторые ученые склонны их отождествлять), экспериентальной, доверяющей парадигме, с явным преобладанием субъективного над объективным, которое возможно, но в определенных пределах и на определенных уровнях анализа онтологических характеристик

человека. Поэтому неслучайно, что ученые гуманистической ориентации, вслед за экзистенциализмом уделяют такое внимание онтологической роли общения и его бытийным функциям.

Сам термин онтопсихология был введен в обиход психологии А. Маслоу. Поставив вначале термина «онтологию», он тем самым пытается не онтологию, как науку более широкую, не поставленную в определенные рамки конкретных понятий, спустить на уровень психологии – науки в то время более конкретной, особенно, благодаря бихевиоризму. Он, наоборот, поднимает анализ психологических проблем на невиданный для психологии того времени уровень – уровень человеческого Бытия.

Уже в 60-х годах интерес А. Маслоу смещается от проблем становления человека к проблеме его Бытия как полноценно развитой личности [13;14]. Он вводит понятия мета-потребности, бытийные ценности, которые могут рассматриваться как аналог общечеловеческих ценностей, тем самым, акцентировав внимание на том, что объединяет людей, делает их сподвижниками в поиске жизненных смысловых ориентиров. Причем стремление к такому объединению дано человеку от рождения, т.к. ориентация на приобщение к бытийным ценностям – неотъемлемая часть человеческой природы. Другое дело, что не все люди могут сохранить эту часть человеческого естества, но при желании могут найти ее, и тем самым, приобрести свою человеческую сущность. Таким образом, согласно А. Маслоу (точно также как и другим представителям этого направления), бытийные ценности не надо изобретать, они уже есть. Нужно это осознать и приобщаться к ним. Он показывает и пути этого – через пик- и плато-переживания, приобщение к общечеловеческим ценностям, представленным в культурных источниках, трансцендирование и др.

Что касается экзистенциального крыла гуманистической психологии, то, прежде всего, следует отметить роль Р. Мэя в развитии онтологических проблем в психологии. В конечном итоге его взгляд на сотрудничество онтологии и психологии представлен в идее неразрывности человека и мира,

как двух полюсов единого структурного целого «бытия-в-мире». В нем он выделяет три основных взаимопроникающих «модуса мира»: основываясь на необходимости признания влияния на человеческую жизнь природных сил, «окружающий мир», где находится место и психоанализу; мир «со-бытия» как встречу человека с другими людьми и «собственный мир» человека, предполагающий самосознание личности. Благодаря коллективному подсознанию, считает Р. Мэй, мы уже внутри самих себя образуем единое целое с другими людьми [16;17]. Называя свое время «шизоидным миром», он пишет, что человеческая ответственность состоит в том, чтобы найти уровень сознания, который будет адекватен ему и сможет заполнить растущую безликую пустоту нашей технологичности человеческим смыслом. Реализация идей Р. Мэя была продолжена многими учеными, где они нашли свое подтверждение и конкретизацию.

Обобщая все вышесказанное, следует обратить внимание на следующее. Во-первых, идеи, связанные с человеческим существованием, всегда интересовали человечество. Иногда они отходили на второй план, но потом все равно становились приоритетными. Можно предположить, что интерес к проблемам бытия наиболее ярко проявляется в периоды общественных катаклизмов, когда возникает острая необходимость самоопределения, поиска новых жизненных ориентиров. Так произошло в двадцатом веке – времени войн, в которые было втянуто большинство человечества. Во-вторых, в двадцатом столетии смысложизненные вопросы были поставлены экзистенциализмом. Именно ученые этой ориентации, сначала в России, затем в Европе, и, наконец, в Америке сыграли большую роль в формировании онтопсихологии. В-третьих, в психологии традиция осмысления проблем бытия была поставлена учеными гуманистической психологии, во многом солидарными с учением экзистенциализма. Согласно как экзистенциализму, так и гуманистической психологии, бытие – безграничная, постоянно развивающаяся реальность. Оно уже само по себе наполнено смыслами, и дается, и постигается человеком благодаря

ценностям и смыслам. При этом смыслы и ценности, как понятия, пришедшие в гуманистическую психологию из философии, рассматриваются как целостные, неделимые образования, которые не объясняются, а описываются. Бытийные ценности переживаются так же целостными, трудно описываемыми переживаниями.

Идеи онтопсихологии были подхвачены и другими учеными. Наибольшего распространения, по крайней мере, в нашей стране, получила онтопсихология А. Менегетти – итальянского психотерапевта, совершившего еще один синтез этих двух наук. Он предлагает свой вариант онтопсихологии как науки о бытии в психике [15]. По существу онтопсихология А. Менегетти представляет собой синтез психоанализа З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга и гуманистической психологии А. Маслоу, Р. Мэя, К. Роджерса. Онтопсихология - это научное направление с отчетливой антропоцентрической ориентацией: основным ее предметом является человек, его подлинное бытие. Практической ее целью является соответствие человека своей внутренней сущности, его аутентичность своему бытию, своей природе. Онтопсихология стремится к познанию человека на всех уровнях, позволяющих точно идентифицировать природу данной личности. Но практическая работа осуществляется на основе психоанализа, прежде всего, интерпретации снов. Поэтому онтопсихологию, вслед за психоанализом ~~Э. Фрейдом~~, вполне можно назвать гуманистическим психоанализом. Онтопсихология - это наука и практика, занимающаяся не только индивидуальной психической жизнью, но и социальными условиями жизни человека, взаимоотношениями людей в семье и т.д. Однако привнесение психоанализа в гуманистические идеи меняет ход логики взаимоотношений онтологии и психологии: в центре внимания главным является индивидуальная жизнь человека, а не человеческое Бытие как таковое и не роль общения в нем.

Таким образом, интенсивное исследование проблем общения, с одной стороны, и оформление в двадцатом столетии онтопсихологии, как

психологической области знаний, с другой – и позволило создать основы онтопсихологии общения.

1.2. Развитие представлений о бытийной сущности общения в отечественной психологии

Что касается отечественной психологии, то в советский период проблемы бытия человека ее не очень интересовали. Большую часть двадцатого столетия, когда на западе развивалась достаточно драматическая борьба между психологическими направлениями, она жила вполне спокойно, ориентируясь лишь на одну методологию – марксистско-ленинскую философию, предопределявшую выбор понятий и методов. Конечно, такая ситуация не всех устраивала, были и в отечественной психологии попытки вырваться за пределы анализа лишь общественных отношений, наиболее популярных в это время, на уровень осмысления человеческого существования. Однако, несмотря на традиции, заложенные русской социально-философской мыслью (Н. Бердяевым [4], Л. Шестовым [24], С. Франком [23] и др.), культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского [8], экзистенциальными идеями М. Бахтина [2] и онтологией человеческой жизни С.Л. Рубинштейна [18], экзистенциально-гуманистические идеи широкого распространения в советской психологии не получили. Этому способствовала общественная ситуация, и сама психология пока не готова была к такому уровню научного анализа.

Следует отметить, что в отечественной психологии всегда уделялось большое внимание изучению общения. «Общение» - одна из центральных категорий советской психологической науки. За ним признавалась роль источника и основы социальной психики, подчеркивалась значимость в развитии личности, группы и общества в целом, где оно выполняло «цементирующую» функцию. Анализировалась и его связь с внутренними характеристиками личности. Интерес к феномену общения, и не только психологов, но и философов, социологов, культурологов был настолько

велик, что рассмотрение проблем общения осложнялось различием трактовок как самого понятия «общение», так и его места в системе близких к нему понятий («взаимодействие», «коммуникация», «общественные отношения» и др.) В психологии это нашло отражение во многих определениях общения, отражающих его сложность и многофункциональность. Общение признавалось и необходимым условием бытия людей, без которого невозможно полноценное формирование не только отдельных психических функций, процессов и свойств человека, но и личности в целом. Поэтому, писал А.А. Бодалев [5;20], изучение этого сложнейшего психического феномена как системного образования, имеющего многоуровневую структуру и только ему присущие характеристики, является актуальным для психологической науки. Поэтому неслучайно, что общению отводилось главное место и в предметном поле социальной психологии, особенно ленинградскими учеными. Согласно им, отличие социальной психологии от общей как раз и заключается в том, что ее основу составляют психологические явления, которые возникают лишь в общении и через общение людей друг с другом в их непосредственном контакте. По-прежнему именно за социальной психологией остается приоритет в разработке и анализе условий, факторов, функций, механизмов общения, что позволяет понять общение при исследовании других психологических явлений (личности, самовыражения и т.д.).

Однако при этом в советский период значимость общения рассматривалась отдельно для личности (в возрастной и педагогической психологии), группы (в социальной психологии). А принятие деятельности, как важнейшего методологического принципа, в значительной степени обусловило весь «образ советской социальной психологии», в том числе и общения, которое стало рассматриваться не на онтологическом, а на психологическом уровне существования. Поэтому и в выделяемых учеными функциях общения основное внимание уделяется функциям, так или иначе способствующим регуляции и координации совместных действий.

Исключением, пожалуй, может быть, позиция В.Н. Панферова, уделяющего достаточное внимание и социальным функциям.

Это не могло не отразиться и на многочисленных классификациях видов, типов, уровней и немногих, по сравнению с ними, классификациях форм общения. Под формой общения, например, понималась коммуникативная деятельность на определенном этапе ее развития, характеризующаяся определенными параметрами. Б.Д. Парыгин, выделяя в общении в качестве содержания коммуникацию, под формой предлагал понимать практическое поведение людей в совместной деятельности. При этом, как отмечал М.С. Каган [10], формы общения выделялись, как правило, произвольно или чисто эмпирически. Его призыв осуществить системное исследование, которое выявило бы все существующие формы общения, необходимые и достаточные для полноты осуществления им его социокультурных функций, так и не был услышан советскими психологами.

Начало перестройки общественных отношений в стране лишь слегка изменило существующее положение дел. Совместная групповая деятельность остается по-прежнему приоритетной, хотя есть и существенные изменения в соотношении двух фундаментальных категорий советской психологии: теперь анализу подвергается не воздействие совместной деятельности на общение (как и на другие групповые процессы), а, напротив, воздействие общения на совместную деятельность. При этом важным виделась интеграция этих двух подходов: необходимость одновременного изучения как воздействия совместной деятельности на общение, так и общения на совместную деятельность.

На сегодняшний день едва ли можно сказать, что общение – разработанная тема. По-прежнему не только остается много «темных пятен», но и нет единого определения общения, а также фундаментального анализа его форм. Можно согласиться с некоторыми авторами, что вопрос о соотношении деятельности и общения по-прежнему неокончательно решен, до сих пор слышатся «отголоски» дискуссии о их взаимосвязи. Хотя конечно

в современной социальной психологии накоплено достаточно данных, показывающих роль общения в развитии личности, группы, изучены механизмы воздействия, выделены типы, виды, уровни общения. Но онтологическая (бытийная) роль общения по-прежнему либо просто декларируется, либо не учитывается вообще. Могла ли она быть изучена советской психологией? Едва ли, хотя возможности такие были. Можно сказать, что основы онтопсихологии были заложены классиками отечественной психологии (С.Л. Рубинштейном, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, М. Бахтиным, Г.И. Челпановым и др.). Однако они сами считали, что это перспективы психологии XXI века, когда: психология станет наукой о человеке, а не о психических явлениях; когда «вторгнется» в мир, начнет понимать происходящее в нем; развитие ее будет идти не по отдельным областям, а проблемам, сближающим общую психологию, социальную, детскую, историческую и другие области психологического знания; будет апеллировать к «вершинным» проблемам психологии; уйдет от излишней естественно научности; обратится к системности, где большая роль будет отводиться связи психологии с этикой, аксиологией. Как видно из предыдущего анализа, общение как вид субъект-субъектного взаимодействия рассматривался преимущественно на индивидуальном уровне бытия человека. При этом отмечалась необходимость включения индивида в человечество, то есть в многоуровневую сеть объективных отношений, но исследования ограничивались в основном групповыми и конкретными общественными (социалистическими) отношениями. Однако и изучение индивидуального уровня ограничивалось личностными характеристиками партнеров без учета их субъективного внутреннего мира, что значительно тормозило продуктивную разработку онтологических проблем общения. В психологии господствовала модель «психологического человека»: человек наделялся функциями, процессами, свойствами, оторванными от его внутреннего мира. Добавление к ним ценностных ориентаций, нравственных и моральных убеждений, социальных мотивов не меняло положения дел, так

как они рассматривались как однопорядковые с памятью, воображением и т.д. Такой портрет оказывался не только «деперсонализированным», но и лишенным своих основных свойств – ценностного и нравственного отношения к миру. В то время как именно изучение пространства онтологических атрибутов личности и ее отношений, соотносимых с «социальным внеличным», должно было быть объектом социальной психологии. Таким образом, без «онтологии» личности трудно исследовать «онтологию» общения. Чтобы «психологическая» модель стала «онтологической», необходимо подойти к человеку, как некой целостности, исследование его уникального внутреннего мира, ценностного и нравственного отношения к миру. С другой стороны, «онтология» общения может помочь понять «онтологию» человека.

Иными словами, экзистенциальную сущность общения можно изучить лишь при учете совокупности всех его проявлений и компонентов, поэтому можно полностью согласиться с А.А. Бодалевым, что объектом исследования...должно выступать само общение как целостный процесс, а не отдельные его участники, причем его необходимо изучать как монообъект, а затем как элемент социальной системы [5].

Анализ человеческого бытия невозможен без обращения к понятиям «ценности» и «смыслы». Поэтому первый шаг в этом направлении был сделан с появлением интереса отечественных психологов к ценностно-смысловой проблематике, которая не только интенсивно осваивается российской психологией, но «ценности» и «смыслы» начинают претендовать на роль центральных понятий в новой неклассической, постмодернистской психологии [1;3;12;19;22 и др.]. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в отличие от многих других междисциплинарных понятий, данные относятся к «вершинным» слоям психики (Л.С. Выготский). Во-вторых, имеют самое непосредственное отношение не к отдельным психическим проявлениям человека, а к его жизнедеятельности в целом (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн). В-третьих, они приобретают и

особый методологический статус, так как являются пограничными образованиями, в которых сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, в них преодолевается противопоставление «внутреннего-внешнего», «субъективного-объективного», «формы-содержания» и т.д. Иными словами, данные понятия связывают фундаментальные отечественные категории (деятельность, сознание, личность), позволяют рассматривать обозначаемые ими реальности как целостные образования и придают им онтологический статус.

Тесная связь общения с ценностями и смыслами отмечается многими учеными. Тем не менее, ценностно-смысловая детерминация общения практически не изучена, что значительно усложняет понимание его глубинных характеристик, а также других проблем, связанных с человеческим бытием.

На современном этапе развития психологии продуктивная разработка проблем общения многими учеными связывается с анализом внутреннего мира личности и ее переживаний ценностного отношения к другим [7;12;19 и др.], что в целом приводит к рассмотрению общения как со-бытия. С другой стороны, сейчас уже трудно отрицать роль общечеловеческих ценностей в этом процессе. Эти ценности, как социальные регуляторы, были сформированы человечеством в длительном историческом процессе, обусловленном как непосредственным, так и опосредованным общением. Без детального анализа закономерностей общения в различные исторические эпохи и в различных культурах само представление о социальном мире превращается в нечто неизменное и абстрактное [1].

Однако можно согласиться с рядом ученых, что, несмотря на значимость изучения проблем человеческого бытия, современная социальная психология не спешит осваивать онтопсихологический уровень анализа, так как это предполагает введение понятий смежных наук, объединение знаний онтологии и социальной психологии и анализ появившихся в результате этого новых объектов и связей человека с миром, изменение существующих

представлений о функциях, эффективности, нормах общения. Это усугубляется тем, что понять бытийную сущность общения, его внутренние, глубинные связи невозможно, исследуя лишь отдельные его проявления, частные разновидности - для этого необходимо воссоздание всех его сторон, что возможно сделать через анализ форм общения. Но формы духовного и сущностного (экзистенциального) общения, описываемые философами и этиками, с трудом могут быть выражены в концептах теоретических исследований, а тем, более экспериментальной психологии. Изучение форм общения, в связи с этим - еще одна задача, которая не была полностью решена в предыдущий период; задача, которую еще предстоит решить. Поэтому не случайно, что в немногочисленных классификациях форм общения ценностно-смысловые образования, как основания их деления, не использовались либо учитывались не в полной мере [10].

Тем не менее, новые веяния, связанные с анализом «ценностей» и «смыслов», с одной стороны, придающих психологическим явлениям целостность, «вершинность», онтологический статус, а, с другой стороны, составляющих внутренний мир личности, позволили вплотную подойти к онтопсихологической стороне многогранного явления - общения, тем более, что смысловые образования принято рассматривать как суть превращенные формы жизненных отношений, что уже наводит на мысль о значимости общения в развитии смысловых реалий. Понятие «отношение» и есть тот «мостик», который объединяет понятия «смыслы» и «ценности» с понятием «общение».

Если обратиться к анализу литературы, посвященной ценностно-смысловым образованиям, то можно заметить, что в отечественной психологии прослеживаются две традиции рассмотрения ценностной детерминации общения: с позиций деятельностного оценивания, осуществляемого с точки зрения полезности или нужности, и с точки зрения представлений о хорошем и плохом, с позиций должного. В наибольшей степени ценностно-смысловая детерминация изучена в русле

деятельностного подхода, где общение рассматривается, как частный случай совместной деятельности, другой и другие отражаются и включаются в психологическую ситуацию партнера или как носители определенных знаний, или как «помощники» при решении задачи.

Другая линия анализа идет от идей С.Л. Рубинштейна, связывающего ценности и смыслы со значимостью для человека других людей, с этическими проблемами и жизнедеятельностью человека в целом (с осмыслением его бытия, ценности другого). Как уже отмечалось, идеи, созвучные этим, в той или иной мере разрабатывались и Л.С. Выготским, М.М. Бахтиным. Что касается зарубежной психологии, то позиция С.Л. Рубинштейна близка идеям многих древних философов, неопрейдистов (А. Адлера, Э. Фромма, К. Юнга), а также ученых экзистенциально-гуманистического направления.

Немногочисленные социально-психологические исследования смысловых процессов, выполненные в этой традиции, на наш взгляд, в большей степени «наделяют» душу и переживаниями процессы установления контактов, взаимопонимания и т.д., рассматривая общение как процесс, в котором задействован внутренний мир личности, складывающийся именно в ходе общения и благодаря ему. При этом общению возвращается его исконный онтологический статус, позволяя сделать то, к чему стремились классики отечественной психологии - объяснить роль общения в жизни отдельного человека, группы, общества и человечества в целом.

Таким образом, если советской психологии все-таки не удалось создать ни онтологическую модель человека, ни общения, оправдались ли ожидания отечественных классиков и созданы ли сейчас предпосылки для анализа онтологических идей? Как следует из предыдущего анализа, в последнее время в отечественной психологии активизировалась работа по методологическому осмыслению оснований психологии и построению ее нового образа. Наблюдаются определенные изменения ее предметного поля,

что действительно свидетельствует об онтологизации и гуманизации психологического знания. Вернулся интерес к неклассической психологии, дающей простор в выборе методов и интерпретации полученных с их помощью данных. Математическая точность и жесткий детерминизм стали уходить на второй план, психологии стал интересен сам человек. Внимание психологов привлекла толерантность, в центре которой человек, с его возможностями и способностями жить в сложном мире людей, где его внутренний мир постоянно соприкасается с таким же многогранным и сложно структурированным миром других людей.

Еще одна линия анализа бытия в настоящее время связана с понятием субъекта, его бытийных характеристик. Например, В.В. Знаков [9] считает, что одним из вариантов новой методологии понимания человеческого бытия является психология субъекта, так как категория «субъект» в российской психологической науке играет системообразующую роль. С появлением постнеклассической парадигмы, по мнению автора, возникла психология человеческого бытия как сторона психологии субъекта, расширяющая ценностно-смысловые контексты, в которые включались классические психологические проблемы. В этом проявилось стремление отечественных психологов выйти за узкие рамки категории «деятельности» и обратиться к понятию «существование». Возможно, такой подход к психологии человеческого бытия и позволяет адекватно описать и объяснить многие закономерности поведения людей, однако, как и онтопсихология А. Менеггети, он оставляет нас скорее на уровне анализа индивидуальной жизни человека, точнее, жизнедеятельности субъекта, чем проблем Бытия и способов его постижения.

Несколько иной подход к решению проблемы человеческого существования предлагает Б.С. Братусь [6]. В отличие от многих авторов, некритически увлеченных гуманистической психологией, он, сравнивая ее с нравственной и христианской психологией, считает, что, согласно отечественным традициям, целесообразно говорить не о гуманистической

психологии, а о гуманитарном подходе. Он более широк, и в его рамках могут быть рассмотрены различные гуманитарные парадигмы, включая и достижения отечественной психологии, психотерапии и общие смысложизненные вопросы и проблемы. От нравственной психологии, предполагающей нравственное развитие как норму, а человека как самоценность, автор предложил сделать еще один шаг до христианской психологии, которая добавляет к этому представление о конечных абсолютных основаниях выбора, придавая другому не только общечеловеческую, но и сакральную ценность, рассматривая его как образ и подобие Божие. Тем самым Б.С. Братусь, возвращается к отечественным научным истокам – русскому религиозному экзистенциализму, и вводит новый принцип рассмотрения человека, возвышая, достраивая его образ. По существу при решении онтологических проблем он совершает такой же, как и гуманистическая психология путь - от общего к частному. Сегодня христианская психология, с ее пониманием поиска смысла жизни становится достаточно популярной.

Однако, на настоящий момент в отечественной психологии можно констатировать наличие «разрыва» между представлениями о необходимости изучения человека и его отношений во взаимосвязи с бытием при сохранении его «экзистенциального измерения» и возможностями исследовательской практики сущностных характеристик человеческого бытия. Сама гуманитарная парадигма только осваивается учеными, субъективные методы, по-прежнему, не являются определяющими. При этом смена парадигм в большей степени выражена при изучении личности, но не общения.

Но главное, анализ проблем человеческого существования происходит скорее как усовершенствование уже имеющихся традиционных для отечественной психологии понятий, явлений, либо заимствование зарубежных, но без достаточного их осмысления и отбрасывания методологических основ их исследования. В отличие от гуманистической, тесно связанной с философией экзистенциализма, отечественная психология

традиционно идет «от самой себя», от общепсихологического, а не философского понимания мира.

Тем не менее, можно сказать, что основы онтопсихологии как науки о человеческом существовании, заложенные в середине двадцатого столетия в основном усилиями зарубежных ученых, актуальны и для отечественной психологии, подтверждением чего является увеличение числа работ, обращенных к психологическому анализу человеческого существования и исследованию роли общения в нем.

Таким образом, на наш взгляд, можно выделить как минимум два критерия деления онтопсихологии: по представлению о духовности (первопричинности) - религиозную и атеистическую. Другое деление может быть на основании осуществления синтеза двух наук (от общего к частному или от частного – к общему). Первый путь - от Бытия к человеку, от философских учений (экзистенциализма, социальной антропологии и др.) к психологии. Второй – от индивидуальной жизни (человека, субъекта, индивида) к человеческому существованию. И в одном, и в другом случае находится место анализа ценностно-смысловой проблематики и нравственности. Но в первом он необходим, во втором - желателен.

Конечно, такое деление онтопсихологии достаточно условно и им не ограничивается. Кроме того, каждый из анализируемых авторов – достаточно интересен, и можно говорить о выделении подвидов внутри каждого вида онтопсихологии.

1.3. Литература к модулю

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. – 528 с.
2. Бахтин М. Собрание сочинений: В 7 т. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М., 1996
3. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2002. 360 с.

4. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ООО Изд-во АСТ, 2004. 333 с.
5. Бодалев А.А. Психология общения. Издательство: МОДЭК, МПСИ. 2007. 230 с.
6. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 67-92.
7. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения: уроки Джеймса Бюдженталя. М.: Смысл, 2001.- 197 с.
8. Выготский Л.С. Психология / М.: ЭКСМО - Пресс 2000.
9. Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия. // Субъект, личность и психология человеческого бытия. /Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Институт психологии РАН, 2005. С. 9-45.
10. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.- 319 с.
11. Крипнер С.Р. де Карвало. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993. № 2. С.113-126.
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание М. Смысл 2003. — 487 с.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. — 2-е изд., испр. — М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. — 496 с.
14. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е. М.: Изд – во ЭКСМО – Пресс, 2002.- 272 с.
15. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии/Издание 2-е, переработанное и дополненное. Перевод с итальянского ННБФ «Онтопсихология». — М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007.- 608 с.
16. Мэй Р. Открытие Бытия. Издательство: Институт общегуманитарных исследований. 2014 г. - 192 с.

17. Мэй Р. Сила и невинность. Издательство: ~~Винтаж~~. 2012. - 224 с.
18. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012.- 288 с.
19. Рюмшина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению. Ростов-на-Дону. 2004. 176 с.
20. Рюмшина Л.И. Роль идей А.А. Бодалева в развитии онтологического взгляда на общение. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского). Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) Краснодар, 25–26 октября 2013 г. С. 95-98.
21. Рюмшина Л.И. Онтопсихология общения. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. Германия, 2011. - 366 стр.
22. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М. 2004.- 407 с.
23. Франк, С.Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии/ С.Л. Франк. -М.: АСТ, 2007. 510.
24. Шестов Л. И. Сочинения. -М.: Раритет, 1995,- 431 с.

1.4. Контрольные вопросы к модулю

1. Почему онтологическая сущность общения изучалась представителями различных наук.
2. Какова роль гуманистической психологии в исследовании бытийной роли и функций общения.
3. В чем отличие гуманистических представлений о роли и функциях общения от таковых в других психологических направлениях.
4. Какая роль общению отводится в современных онтопсихологических теориях и концепциях.
5. Какие экзистенциально-гуманистические идеи представлены в трудах классиков отечественной психологии.
6. Перечислите предпосылки изучения онтопсихологии общения в отечественной психологии.

Модуль 2. Бытийная сущность и формы общения

2.1. Онтопсихология общения

Итак, обобщая все сказанное выше, можно отметить две линии анализа общения в жизни человека. Одна определяется прагматичностью, связанной с выживанием. Общение, обеспечивая приобретение знаний, навыков, в т.ч. общения, позволяет адаптироваться к конкретным социальным условиям и выжить. Другая линия, связана с духовностями, ценностями бытия, формированием в процессе общения личностных ценностей. Эти два уровня – стороны одного процесса – жизнедеятельности, невозможной без общения. Если они соотносятся друг с другом, соответствуют друг другу, человек вполне счастлив и благополучен, компетентен в общении, но оно для него – способ постижения духовности, возможность приобщения к другому, иными словами, со-причастность и со-бытие с другим. Если становится приоритетной одна из уровней, одна из сторон целостность нарушается.

История развития психологии показывает конфронтацию этих линий анализа роли общения в жизни человека, хотя, как и в реальной жизни должен быть компромисс, нужны пути объединения усилий по разработке комплексного, целостного подхода к общению. В связи с этим необходимо изучать и разрабатывать способы достижения эффективного общения, развитие компетентности и методы социально-психологической коррекции, например, в процессе тренинга. В тоже время, необходимы и теоретико-методологические исследования, позволяющие понять роль общения в жизни человека, культуры, его нравственную составляющую и т.д. Одним из таких путей, позволяющих целостно подойти к феномену общения, и стала онтопсихология общения.

Как ясно из предыдущего анализа, онтопсихология общения только оформляющаяся область научных исследований на стыке онтопсихологии и психологии общения. Основы онтопсихологии - науки, изучающей внутреннюю сущность человека с позиций ее соответствия человеческой

природе, законам Бытия, делающим позитивным, гармоничным, нравственным и духовным существование человека, были заложены экзистенциально-гуманистически ориентированными зарубежными и отечественными психологами (А. Маслоу, К. Роджерсом, В. Франклом, Р. Мэйем, М. Бахтиным, С.Л. Рубинштейном и др.). При этом большое внимание они уделяли уникальности и самоценности личности, роли высших бытийных ценностей и общения в ее существовании и развитии, экзистенциальному поиску ценностей и смыслов человеческого бытия. Так как анализ человеческого бытия невозможен без обращения к понятиям «ценности» и «смыслы», онтопсихология общения – это ценностно-смысловой подход к общению.

Природа онтологических вопросов такова, что на них невозможно дать однозначных ответов, что отражает многогранность и сложность бытия. Онтологический взгляд на общение - это поиск ответов на вопросы: Как и когда возникает общение? Есть ли оно сугубо человеческий феномен? Какова его роль в жизни человечества, развитии культуры, общества, отдельных людей? В чем его сущность и как она проявляется?

Методологической основой онтопсихологии общения является гуманитарная парадигма, так как уже само гуманитарное знание ценностно-смысловое, глубинное освоение и воспроизведение бытия, принимающее во внимание историческое измерение культуры и признающее сложность, целостность и в то же время неисчерпаемость человеческих феноменов. В соответствии с гуманитарной парадигмой, приоритет при анализе бытийных проявлений общения отдается субъективным методам, достоверность результатов определяется не множественностью перепроверок на большом количестве испытуемых изучаемого параметра и не его усреднением, а учетом многообразия и многогранности общения. Исследование и познание бытийных проявлений общения происходит поэтапно и поуровнево, к все более детальной работе и формулировке с последующим возвращением к уточнению смысла частей.

Такой взгляд на общение предполагает введение понятий смежных наук и анализ появившихся в результате этого новых объектов и связей человека с миром. В центре внимания онтопсихологии общения представления о бытийной роли и сущности общения, онтологических функциях и критериях общения.

Общение, согласно онтологическому взгляду, обеспечивает жизнедеятельность человека на различных уровнях: индивидуальном, способствующем его выживанию; социальном, обеспечивающем адаптацию к конкретным социальным условиям; экзистенциальном (бытийном), характеризующимся приобщением к общечеловеческим ценностям [13].

Онтопсихология общения в целом, как новая для отечественной психологии область научного знания, объединяющая различные науки, открывает перспективы перед психологией общения, так как позволяет: выйти на анализ целостных образований, в том числе и форм общения, в которых представлена его бытийная сущность; изучить общение не только «по горизонтали», с точки зрения его этапов, видов, но и «по вертикали», с учетом погружения в глубину его ценностно-смыслового содержания, культурно-историческую и общественную реальность; рассмотреть общение не с позиций конкретного коммуникативного акта, а с точки зрения усвоенных партнерами систем жизненных отношений, перенести акцент с анализа личностных качеств партнеров на анализ их внутреннего мира и переживаний как внутриличностных предпосылок развития реальных отношений с другими людьми; объяснить выбор партнерами целей, мотивов, способов общения, механизмов воздействия, наличие или отсутствие в общении многих феноменов, явлений и процессов, таких как взаимопонимание, эмпатия, толерантность и другие. Кроме того, приоритет изучения ценностей и смыслов, нравственной оценки общения открывает возможности анализа социально-психологических явлений в более глубоких слоях коллективного бессознательного, ментальности и определения их роли и функций в выборе определенных способов взаимодействия этносом.

2. 2. Онтологическая модель общения

Основопологающим для определения бытийной роли и функций общения является построение его онтологической модели.

Остановимся сначала на некоторых особенностях онтологии как науки о бытие. Во-первых, она как важнейший раздел философии, тесно связана с гносеологией, которая должна ей соответствовать, и является фундаментом этики. Во-вторых, онтология оперирует предельно широкими понятиями, которые раскрываются лишь друг через друга, и используются попарно. Их выбор, трактовка, содержательное наполнение определяются теоретико-методологическими установками ученого. Для онтопсихологии общения представляют особый интерес, прежде всего следующие понятия: сущность и явление, бытие и небытие, возможность и действительность, целое и часть. При их анализе будем основываться на трудах зарубежных (в основном, экзистенциально-гуманистического направления [6;7;8;9;10;17 и др.]) и отечественных ученых (прежде всего, М.М. Бахтина [1], С.Л. Рубинштейна [11] и их последователей [2 и др.]).

Так как онтология – учение о бытие как таковом, а сущность – философская категория, отражающая внутренние, глубинные связи, основу предмета либо «воплощенные» в его главной, определяющей стороне (т.н. «субстанциальный признак»), онтологическая модель общения должна отражать бытийную сущность общения, т.е. его внутренние, глубинные связи, его основы, воплощенные в главных признаках. Обобщая идеи вышеназванных авторов, важно отметить следующее.

Существуют различные способы существования, различные уровни человеческого бытия. Рассматривая человека внутри бытия (пространства человеческой жизни), в его специфическом отношении к нему, можно говорить о наличии смысла целого (по терминологии различных авторов, смысла Вселенной, смысла истории, смысла бытия и т.д.), в свете которого приобретает смысл человеческая жизнь. Например, согласно В. Франклу – это сверхсмысл, который осуществляется независимо от жизни отдельных

индивидов (хотя, конечно, и они влияют на его формирование). Люди живут в мире смыслов. Смысловая реальность (совокупность коллективных смыслов, накопленных человечеством) не сводится к психологической реальности, не поддается объяснению через психологические, тем более биологические механизмы, не может изучаться традиционными психологическими методами. Это виртуальная реальность. Однако смыслы не только укоренены в бытие, но и опредмечиваются в языке, в отраженных и порожденных образах, в символах, в мифах. Так они даны человеку, и по этим «продуктам» можно судить о коллективных смыслах. Из коллективного смыслового поля человек «черпает» свой смысл жизни, который первичен по отношению к смыслам отдельных действий. Смысл жизни определяется через совокупность основных целей. Именно наличие целей придает действиям человека осмысленность.

Смысл жизни индивидуален, уникален, но «истинность» его определяется тем, что его разделяют и другие люди. Содержательно смысл жизни – творческий вклад, служение общему делу, связан с постановкой духовных и культурных целей, обретением своей родовой человеческой сущности, соответствием образа человека в культуре (Б.С. Братусь). Смысл человеческой жизни, таким образом, всегда связан с реализацией себя в обществе (транцендированием себя). Смысл жизни обеспечивает нормальную и продуктивную жизнь человека, утрата его может иметь трагические последствия. Несовпадение личностного смысла с коллективными смыслами – причина отклоняющегося поведения (наркомания, алкоголизм и др.), неврозов (А. Адлер, В. Франкл), потери душевного здоровья (К. Юнг), личностной ущербности (Б.С. Братусь). По терминологии А. Адлера, это «ложный смысл».

Смыслы, воплощаясь в целях человека, отражают основные ценности жизни и культуры, ценности, ставшие личностно значимыми. Таким образом, ценности не первичны, они производны от соотношения мира и человека. Выражают то, что в мире значимо для человека. Ценности, свойственные

всему человечеству, являющиеся результатом культурного процесса – общечеловеческие ценности. С.Л. Рубинштейн к ним относит истину, красоту, прекрасное, любовь как утверждение бытия, доброту. А. Маслоу, кроме них, отмечает благодать, единство, уникальность, справедливость, совершенство и др. Ш. Бюллер называет их системами ценностей, согласующимися с природой человека, в основе которых лежат базовые, жизненные тенденции. Таким образом человек живет не только в мире смыслов, но и общечеловеческих ценностей, индивидуальные (личностные) ценности, как и смысл жизни, следует искать (раскрывать, обнаруживать), а не изобретать, конструировать или создавать. Ценности нужно познавать, как и любую другую тайну природы. Общечеловеческие ценности избирательно присваиваются, усваиваются человеком, делаются его собственными, но они не приобретаются упражнениями или подкреплением. Ценность – некий личностный смысл (Г. Олпорт). В. Франкл уточняет: ценности – обобщение индивидуальных смыслов, связанных со смыслом жизни и историческим развитием человечества. Г. Олпорт процесс преобразования средств в цели, превращения внешних ценностей во внутренние связывает с функциональной автономией личности. В. Франкл - со свободой, другие ученые гуманистической психологии - с самодетерминированностью, С.Л. Рубинштейн - с ответственностью – сердцевиной сущности личности, ее духовной жизненной силой, снимающей контроль и дающей независимость и свободу. Таким образом, они делают человека уникальным, и в тоже время - внутренне свободным.

Соотношение индивидуальных и общечеловеческих ценностей связано с нравственной позицией (нормальным развитием по Б.С. Братусю). Она составляют духовную силу человека, являются основой, внутренним условием этического отношения человека к человеку, приобретением родовой сущности. Для человеческого существования фундаментальным является существование другого человека. Причем человек должен существовать для другого не как субъект познания, а как условие жизни,

человеческого существования. Это связано со значимостью другого как части бытия. Поэтому отношения к другому человеку не зависят «от его полезности», или «хорошего или плохого отношения ко мне». Отношения с другими людьми, таким образом - часть отношения к миру, ко всему бытию. Более того, смысл жизни, выражающийся в том или ином поступке человека, определяется только в соответствии содержания всей его жизни с другими людьми. Сама по себе жизнь вообще такого смысла не имеет. Человеческая личность возникает и существует в общении с другими личностями. Иными словами, человеческие отношения непосредственно «входят» в смысл бытия. При этом для человека «Я» связывается с Другим конкретным комплексом переживаний.

Нужно отметить, что бытие (поиск ответов на вопросы бытия) переживается. Оно целостно и сопровождается целостными, неповторимыми сложными переживаниями. Согласно С.Л. Рубинштейну, это – мировоззренческие чувства, то есть несколько обобщенных чувств, составляющих палитру духовно-этического осмысления личностью своей жизни. А. Маслоу, описывая высшие (бытийные) переживания, отмечает, что в них временно разрешается Человеческая Неустроенность (экзистенциальная дилемма). В высших переживаниях при состоянии завороченности, очарованности, полной концентрации внимание сужается до единичного объекта, как если бы он заключал в себе все бытие. Применительно к общению бытийные (экзистенциальные) переживания могут быть охарактеризованы как недифференцированные, выходящие за рамки обычного эмоционального сопровождения коммуникативного акта к осознанию себя, другого, жизни в целом. Они сопровождают ответы на вопросы: «Для чего существую Я? Другой человек? Какое место он или они занимают в моей жизни? Как я влияю на их жизнь, и как они могут повлиять на мою?».

Однако в описанных выше идеях отражается в большей степени бытийная сущность человека, но в них также представлены основные

характеристики бытия и показана значимость других в жизни человека, что все вместе позволяет создать онтологическую модель общения.

Согласно экзистенциально-гуманистическим воззрениям, можно выделить следующие основные характеристики бытия - многоуровневость, гармоничность, осмысленность, целостность, взаимозависимость. Исходя из роли общения, без которого нет человеческого бытия, они также являются его глубинными признаками, основами общения: оно делает людей взаимозависимыми, осмыслено (наполнено ценностно-смысловыми образованиями), целостно, так как существует «смысл целого», связывающий отдельного человека с другими людьми, что отражает его многоуровневость, показывает существование общения на экзистенциальном, социальном и индивидуальном уровнях, общение обеспечивает единство этих уровней, гармонию, соответствие их друг другу.

Осмысленность - субстанциальный (интегрирующий) признак, объясняющий, как осуществляется взаимозависимость людей на различных уровнях существования и каким образом достигается гармония и целостность. Само общение в таком случае может быть описано как целостное, гармоничное ценностно-смысловое явление, объединяющее людей.

Сущность явления, отражающая его глубинные взаимосвязи, не может быть непосредственно изучена, в отличие от его внешнего бытия, или внешнего существования. Так как сущность явления представлена в виде внутреннего единства его различных форм, можно предположить, что бытийная сущность общения представлена в его различных формах, в которых находят отражения его бытийные признаки и которые, надо полагать, в разной степени будут выражены. Выделение осмысленности в качестве субстанциального признака позволяет говорить, что онтологические формы являются в то же время и ценностно-смысловыми формами общения. Содержание их может быть описано через понятия «переживание», «смысл», «отношения», «ценности».

Определяющим элементом, системообразующим фактором, выступают ценности [6;16]. Они формируются под влиянием переживаемых отношений, являются их превращенной формой и, сформировавшись таким образом, определяют протекание реальных отношений и их переживания. Являясь интегрирующим фактором, они выступают активным центром, совпадающим с сущностью личности и общения, обеспечивающим на индивидуальном, социальном и экзистенциальном уровнях целостность, устойчивость личности и групп, внутреннее условие и предпосылку их развития. Имея смысловую природу и являясь системным качеством второго порядка, личностные ценности связаны со всеми смысловыми образованиями (прежде всего, смыслом жизни), в том числе с более обобщенными смысловыми структурами макросистемы – общечеловеческими ценностями и «смыслом целого». Именно поэтому, они могут быть рассмотрены как «консервированные», переживаемые отношения личности с миром, отражающие инвариантные аспекты общечеловеческого опыта [6].

В онтологическом плане форма является разновидностью содержания, и они – разные способы существования целостности. Эти понятия относительны и взаимнообратимы. В иерархическом плане форма по отношению к содержанию занимает более низкий уровень, а содержание – более высокий. В онтологических формах находят отражение и ценности партнеров, но наличие «смысла целого» позволяет говорить, что к ним они не сводятся.

2.3. Онтологические формы общения

Итак, общение является необходимым атрибутом человеческого бытия. Выполняя социализирующую функцию, оно кроме того способствует развитию «человеческого в человеке», наполнению жизни смыслами и ценностями, объединению людей, организации совместности (как в широком, так и узком значении) человеческого существования. Человек живет в пространстве смыслов и приходит в мир, где благодаря общению

уже существует определенное смысловое поле, смысловая реальность, созданная человеческой культурой. Ценности превращают жизненный мир личности в действительность, пространство «здесь и теперь», сближающее человека с другими людьми в силу определенной тождественности их миров, которая определяется единым источником. Из него «базовые» смысловые реалии, человек (избирательно) усваивает и делает своими собственными благодаря общению.

Первая из форм, раскрывающих бытийную сущность общения, следует из самой методологии гуманитарной парадигмы – диалог. Именно поэтому он «пришел» в психологию из философии, герменевтики, экзистенциализма, где он тщательно и подробно анализировался и анализируется, хотя, до сих пор взгляды ученых различаются, что по-прежнему требует его основательного анализа и осмысления. Еще более это актуально для психологии, которая не только органически «впитала» противоречивость философского анализа диалога, но еще добавила и дополнительные сложности в его понимание.

По мере своего «развития» диалог конкретизируется, облекается в форму взаимоотношения с Другим и Другими, составляющими неотъемлемую часть бытия человека. Учитывая все вышесказанное, целесообразно говорить не об определении диалога как научной категории, а об описании феномена «диалог». Он является и методологическим принципом гуманитарной парадигмы, но диалог можно рассматривать и как коммуникативное явление. Разные диалоги – это реализация диалогического принципа в различных сферах, на разных уровнях и т.д. В целом можно говорить о диалогике – науке о диалоге, предметом которой выступают диалогические отношения и взаимодействия людей.

По мнению большинства психологов, диалог – «общение избранных», то есть особый случай (вид, форма) общения, который невозможен и даже не нужен. Для других - диалог и есть единственная форма общения. Но чаще диалог рассматривается как идеал человеческих отношений,

«очеловечивание общения». В отличие от гуманистической психологии, отношение отечественных психологов к диалогу крайне противоречиво. Часто под диалогом понимается любое диадное общение, любой разговор, что является подменой понятий, не только ведет к его дегуманизированному пониманию, но и не позволяет понять онтологическую сущность диалога.

Подтверждением того, что диалог связан с бытием человека, является то, что идеи экзистенциального его рассмотрения оказались так сильны, что диалог «наполняется» смыслами и тогда, когда речь идет о созвучии сознаний, и когда это просто речевое взаимодействие – «диалог реплик». Несмотря на некоторые последние исследования, связывающие диалог с человеческим существованием, в большинстве случаев его анализ отечественными психологами по-прежнему остается на уровне позитивистской модели, где диалог – «разорван», не представляет целостности, если и соотносится с личностью, то с ее психологическими, а не онтологическими характеристиками. Главными характеристиками диалога, как формы общения, авторами выделяются открытость и незавершенность, свобода и равноправие, которое задается нравственными отношениями, сопереживанием, со-причастностью партнеров [1;3;4 и др.]. Но даже в этом случае диалог редко связывается с внутренним миром личности. Создается впечатление, что диалог рассматривается сам по себе, а гуманистические представления о личности – сами по себе.

Точно так же, как и экзистенциалисты, гуманистически ориентированные ученые, отечественные психологи отмечают, что в действительности диалог ограничивается реальностью и трудно осуществим. Он не дан человеку, а задан – так же, как в гуманистической трактовке человека ему задана возможность реализации здорового и конструктивного начала. Определяющей характеристикой диалога как онтологической формы общения, является равенство (признание себя и другого как равнозначных частей бытия), которое обеспечивает нравственные отношения и бытийные переживания.

При этом диалог – форма общения наиболее адекватная общечеловеческой реальности и развитию личности, форма приобщения людей друг к другу и к ценностям бытия. Можно было бы сказать, что он – форма экзистенциального существования общения, однако, по мнению многих ученых – диалог и есть единственная форма человеческого общения и все-человеческой реальности [1;5;10;11;12 и др.]. Являясь аспектом бытия, диалог приобретает статус нравственного, этически полноценного способа общения, устремленного к ценностно-смысловому осуществлению, сопровождается переживанием нравственных чувств, которые не всегда радостны, как, например, страдание. Это следует из того, что высший уровень нравственного развития основывается на признании равноправия, чувстве непосредственной связи между людьми, сопереживании и сочувствии [1;3;10 и др.]. Совпадение признаков диалога и высокоразвитой нравственности как раз и связано с тем, что диалог наиболее адекватный способ со-бытия личности, то есть нравственное общение.

Выделение равенства в качестве определяющей диалог характеристики позволяет определить другие онтологические формы общения: нарушение «равноправия» влечет за собой переход к другим формам общения.

Другой не менее важной и жизненно необходимой формой общения является игра [14;18 и др.]. Она также связана с человеческим бытием, наполнена смыслами. Игра – единственная форма общения, которая дана человеку от рождения. Она свойственна и животным, где тоже выполняет социализирующую (но не экзистенциальную) функцию. Игра крайне важна на первоначальных этапах филогенеза, онтогенеза, создания группы и т.д. Интериоризованные и принятые (сделанные своими) в ее процессе ценности затем трансцендируются другим и сообщают значимость социальным нормам. Так как игра дана человеку, ее правила выработаны сообществом. Роль – безлична. Нельзя сказать, что ритуал, традиция, социальная позиция (например, руководитель-подчиненный) – безнравственны. Моральный оттенок в игру привносят партнеры, своим выполнением социальных

функций. В связи с тем, что смысл игры в ней самой, все внимание партнеров сосредоточено на исполнении правил. Процесс усвоения базовых ценностей, как любой процесс усвоения нового, творческий процесс, сопровождается бытийными переживаниями. Но игра может носить и элемент напряжения, связанный с контролем за ее «исполнением». Человек как существо социальное постоянно вступает в отношения с другими людьми с точки зрения ролевых, статусных позиций. Игра в определенной степени обезличивает партнеров, в связи с чем, они могут быть заменены, но «спасает» от манипуляций, так как жесткое следование правилам не нарушает их «социального равенства». Игра ограничена в пространстве и времени, поэтому она динамична, и не может существовать долго. По мере установления контактов она может «двигаться» в сторону диалога или манипуляции, что наполняет ее соответствующими смыслами и переживаниями [14].

Таким образом, с одной стороны, игра может нарушать диалог, но с целью обеспечения адаптации человека к конкретным социальным условиям. С другой стороны, в ее процессе могут усваиваться смысловые установки, ценности (общечеловеческие, в том числе). Поэтому она тоже может рассматриваться как онтологическая форма общения. Несмотря на то, что большинство отечественных ученых по-прежнему считают диалог и игру рядоположенными уровнями или видами общения, целесообразность представляемой точки зрения можно объяснить необходимостью соотнесения зарубежных и отечественных понятий, а также осмыслением (научной рефлексией) накопленных данных и понятий, адаптацией их к современным условиям. Это дает возможность анализа взаимопереходов форм общения, что приближает нас к онтологическому пониманию общения, где форма и содержание переходят друг в друга. Ориентация на диалогические отношения приводит к смене игры как формы общения, на другую форму – диалог.

Однако есть еще одно нарушение диалога (и по форме, и по

содержанию) – манипуляция. Некоторые авторы выделяют ее в качестве антипода диалога, другие считают ее «нечестной» игрой [18].

Манипуляция – форма общения, противостоящая диалогу. Диалог и манипуляция, как формы общения, не даны человеку, а только заданы ценностно-смысловым отношением к жизни, к себе и другому [15]. Так как диалог связан с ценностями бытия, общее смысловое поле, «смысловая матрица» (Р. Мэй) создается совместными усилиями общающихся, целостна и гармонична, по содержанию совпадает с базовыми смысловыми реалиями. При манипуляции смысловое поле тоже создается усилиями партнеров, но не представляет целостности и гармоничности, так как партнеры (или один из них) «обесценивают» общение, лишают его экзистенциальной сущности. Это - безнравственное общение, так как партнер (или партнеры) игнорирует нравственные отношения, обесценивает (превращает в вещь, объект) другого. Манипулирование - насильственная коммуникация, строящаяся на недоверии (и вызывающая его), нарушающая экзистенциальное единство.

В целом, хотелось бы подчеркнуть, что манипуляции, как диалог и игра, имеют самое непосредственное отношение к выживанию человека. С одной стороны, их применение обусловлено внешней средой обитания человека, вынуждающей его идти на это безнравственное общение, с другой - внутренними причинами. Будет человек манипулировать или нет, зависит от всего комплекса внешних и внутренних причин, при приоритете последних. К сожалению, анализ отечественной психологической литературы, не позволяет описать переживания манипулирующего субъекта. Однако, исходя из работ ученых экзистенциально-гуманистического направления и из того, что манипуляция, как и игра, сопровождается контролем, стремлением к власти, с сопутствующим им напряжением, манипуляции негативно переживаются.

В целом все три формы играют важную роль в бытие личности, связаны с ценностно-смысловыми образованиями, то есть являются ценностно-смысловыми формами общения, с онтологической точки зрения

могут быть целостными (или нет), характеризоваться равенством (или его отсутствием), в связи с чем, наполняются соответствующим содержанием.

Так как ценностно-смысловые формы общения отражают бытийную сущность общения, они имеют место в непосредственном и опосредованном общении, в культуре и межличностном общении, представлены в истории развития человечества. Все три формы влияют на формирование общечеловеческих ценностей, базового смыслового поля и индивидуальной системы ценностей, выполняя тем самым важную онтологическую роль.

2.4. Литература к модулю

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960—1970 гг. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002.- 800 с.
2. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 67-92.
3. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201-223.
4. Братченко С.Л., Рюмшина Л.И. Многоликость и «вечность» диалога // Материалы 1У съезда психологов. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб: Питер, 2001.- 294 с.
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание М. Смысл 2003.- 487 с.
7. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. — 2-е изд., испр. — М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. - 496 с.
8. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е. М.: Изд – во ЭКСМО – Пресс, 2002.- 272 с.

9. Мэй Р. Открытие Бытия. Издательство: ~~Институт общегуманитарных исследований~~. 2014 .- 192 с.

10. Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика. Избранные труды по психологии. Издательства: МПСУ, МОДЭК. 2013.- 456 с.

11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.

12. Рюмшина Л.И. Роль идей А.А. Бодалева в развитии онтологического взгляда на общение. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского). Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным участием) Краснодар, 25–26 октября 2013 г. С. 95-98.

13. Рюмшина Л.И. Онтопсихология общения /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с. 51-52.

14. Рюмшина Л.И. Игра как форма общения. /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с. 66.

15. Рюмшина Л.И. Манипуляция /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с.76-77.

16. Рюмшина Л.И. Ценности личности в общении. /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с.161-162.

17. Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник: Пер. с англ. И нем. / Общ.ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М.:Прогресс, 1990. - 368 с.

18. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл /Сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.

2.5. Контрольные вопросы к модулю

1. Почему системообразующим фактором онтологических форм общения выступают ценности
2. Какие понятия лежат в основе онтопсихологии общения
3. Какие подходы к ценностно-смысловой детерминации общения можно выделить в отечественной психологии.
4. Опишите диалог как онтологическую форму общения.
5. Опишите игру как онтологическую форму общения.
6. Опишите манипуляцию как онтологическую форму общения.
7. Чем отличаются онтологические формы общения между собой.

Модуль 3. Культурно-исторический анализ онтологических форм общения

3.1. Общение как психоисторическая проблема

Еще советская психология 20-30-х годов имела вполне четкую идею, что психика современного человека – продукт длительного общественно-исторического развития, и необходимо изучение реальных проявлений этого исторического процесса. Огромная роль в этом принадлежала С.Л. Выготскому. Сейчас многие ученые считают, что он хотел показать как «рождаются» смысловые образования, субъективный мир отдельного человека при встрече со смысловыми образованиями уже существующими в мире культуры, искусства, религии. Однако советская психология того периода не привела к созданию законченной теории исторического развития, лишь представила отдельные гипотезы и попытки систематического изучения. Что касается общения, то, исходя из этой отечественной традиции, оно зависит не столько от культурного контекста, сколько от той системы отношений, которая сложилась в данном обществе на данный исторический момент, и факторами, формирующими отношение к другому человеку, выступают макро-, мезо- и микро факторы. Первый среди них по значимости – господствующий в обществе реальный тип взаимоотношений между

людьми, а не социокультурный. При этом общественные отношения и общение находятся в исторически изменяющемся соотношении. Общение выступает как реализация личностью общественных отношений и способ построения личных. При переходе от социального аспекта изучения общественных отношений к собственно психологическому мы имеем дело с индивидуальным уровнем общественного бытия человека. Такой подход предполагал отказ от механистического рассмотрения межличностных отношений как расположенных «над», «под», вообще «вне» общественных отношений. Тем не менее, еще не акцентировалось внимание ученых на бытийной сущности общения. Были попытки связать общение с историей филогенеза, но такой подход не получил широкого распространения. Внимание советской психологии по-прежнему было направлено, прежде всего, на анализ соотношения «общения» и «общественных отношений», что в целом отражало общественные запросы того периода развития общества. Вопрос о ранжировании, измерении и сравнении ценностей, поэтому, ставился только в плане сравнения структурной иерархии «ценностей» в обществе, в общественном сознании, в общественном мнении группы и иерархии «ценностей» данной личности или сравнения структурных иерархий различных ценностей, но не при абсолютном изучении личностных ценностей.

На значимости такого анализа акцентируют внимание многие ученые, занимающиеся исследованием личности [8;15 и др.]. В русле деятельностного подхода личность формируется в системе общественных отношений, в которые она включена социально необходимым образом посредством деятельности и общения. Однако, некоторые авторы пытаются выйти за рамки лишь общественной детерминации, хотя и оставляет системообразующим элементом своего подхода совместную деятельность. Так как в деятельностном подходе долгое время основное внимание было сосредоточено на механизме интериоризации, а вопросы конструирования мира, порождение «интерсубъектной реальности» оставались вне поля

исследования, А.Г. Асмолов, например, анализирует категорию «социально-исторического образа жизни» и связанные с ней категории, позволяющие провести анализ развития личности как бы на пересечении трех координат – исторического времени, социального пространства и индивидуального жизненного пути [1]. Все вышесказанное, относящееся к личности, вполне справедливо и по отношению к общению, еще в большей степени «неизбалованному» вниманием к его социокультурному анализу.

Что касается зарубежной психологии, то интерес к культурному контексту психики проявился очень рано. Работа В. Вундта «Психология народов» была одной из первых попыток концептуализировать и начать конкретное исследование взаимодействия культуры и индивидуального сознания. Э. Дюркгейм считал, что высшие этажи психики – продукт истории. Согласно В. Дильтею, умственное и духовное состояние эпохи может быть представлено в одном индивиде. Подобный анализ можно встретить у М. Вебера, Т. Парсонса, И. Шпенглера и других ученых. Так появилась установка на сближение психологических, этнографических, лингвистических, историко-филологических и антропологических исследований, но большинство работ, выполненных в этом русле, относятся к 70-м годам двадцатого столетия. В это время историческая антропология выступала необходимым контекстом для истории ментальностей, истории повседневности, микроистории, культурной и новой культурной истории, отдельных культурно-психологических подходов. Однако у исторической антропологии как научной дисциплины строгого предмета исследований в традиционном смысле слова не было. Темы исследований были широки, отличались ситуативностью, изменчивостью, размытостью [3]. Кроме того наблюдалась смена методологических тенденций: от макроанализа – к микроанализу, от социальной истории – к культурной истории, от панорамы – к деталям. Но в целом 1970-е гг. были отмечены расцветом микроаналитических исследований. При этом микроистория выступила своего рода откликом на сближение с антропологией, которая предлагала

расширенный горизонт для изучения уникальных случаев, подразумевала их интерпретацию в социокультурных и культурно-исторических контекстах [там же].

Как известно, вскрыть внутреннюю тенденцию развития «человеческого в человеке» призвана психоистория, историческая психология, как наука, изучающая психологический склад отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макро времени (истории), а внутреннюю тенденцию развития науки - история психологии. Согласно Бассу необходимо подвергнуть и всю историю психологии, и основные ее идеи анализу с целью выявления лежащих в их основе социальных, политических и экономических факторов. Необходимо понимание роли политики, идеологии, экономических систем и самого общества в рождении, развитии и смерти классических психологических теорий, парадигм, моделей, подходов, которые оказывали и продолжают оказывать влияние на развитие психологической мысли. Он не одинок в этом стремление связать психологические теории с конкретными общественно-историческими, идеологическими и политическими предпосылками. Аналогичные мысли высказывали и высказывают многие психологи. Т. Вэллэнс, говоря о связях общественных наук с социальной политикой, подчеркивал, что наука глубоко связана с ценностными системами, к которым имеет непосредственное отношение продукт научного процесса. Известный специалист в области психологии пропаганды Г. Лассуэл утверждал, что политическая власть испытывает влияние знаний, они, в свою очередь, находятся под влиянием политической власти. К. Герген вообще предложил рассматривать социальную психологию в качестве одного из методов исторического исследования. Описывая свое представление о роли науки Дж. Мид, например, считал, что единство и структура полного Я отражает единство и структуру социального процесса в целом. Согласно автору, наука образует наиболее совершенный инструмент для разумного контроля над физической

и социальной средой. Таким образом, им анализируется связь науки (психологии), личностных приобретений и социальной среды. Подобный подход к анализу психологических явлений можно встретить и у других авторов (см, например, б) где историко-системный подход основывается на предположении, что наука представляет собой самоорганизующуюся систему. Хотя справедливости ради, нужно отметить, что вопрос о социально-исторической природе научных школ и теорий, является по-прежнему дискуссионным.

Неоднозначность взаимодействия психологической науки с другими дисциплинами находит выражение еще и в том факте, что она не всегда развивалась лишь по восходящей линии. Будучи частью философии и позже, став самостоятельной наукой, психология всегда была одной из важнейших сфер борьбы материализма и идеализма. Причем в ней всегда наблюдались как течения одного, так и другого толка. В зависимости от исторического этапа развития общества могли преобладать то те, то другие, что как раз и нашло представление в современной трактовке о борьбе естественнонаучной и гуманитарной парадигм. Хорошо известно высказывание Г. Эббингауза о том, что психология имеет очень большое прошлое и очень маленькую историю, и любое течение в науке должно максимально объективно оцениваться в историческом контексте.

С учетом всего вышесказанного, посмотрим, как в истории человечества проходило развитие и формирование выделенных форм общения. Это может помочь понять, как культура, задающая поле «базовых» смысловых реалий, является источником личностных ценностей и определяет внутренний контекст социального существования человека. С психологической и философской точек зрения вполне оправдано рассмотрение культуры, ее создание и усвоение, как опосредованного и деперсонализированного общения. На связь культуры, как формы бытия и общения, указывали В.С. Библер, М. Бахтин, Ю.М. Лотман и др. Называя свой подход культурно-исторической психологией, Ю.М. Лотман пишет, что

культура – понятие коллективное, явление общественное, то есть социальное. Она форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются. С одной стороны, культура имеет коммуникативную природу, с другой – символическую. Знаки, как любое материальное выражение (слова, рисунки, вещи и т.п.), имеют значение, а поэтому могут служить средством передачи смысла. Культура связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. Следовательно, культура исторична по своей природе. Само ее настоящее всегда существует в отношении к прошлому и к прогнозам будущего [9]. Понимание культуры как бытия – способ ее понимания как целостности. Согласно некоторым ученым, при введении категории «смысл» культура приобретает черты системности и конкретности. Продукты культуры – продукты смыслообразования, а сама она предстает как результат действия законов смыслообразования. Культура как сложно организованный и развивающийся набор таких семиотических систем транслирует программы поведения, общения и деятельности. Предметы материальной культуры выступают как средства хранения и передачи смыслов, регулирующих деятельность, поведение и общение. Например, искусство – всегда отношение. То, что воссоздано (изображено), воспринимается в отношении к тому, что воссоздается (изображаемому). Таким образом, трансляцией смыслов можно объяснить бесчисленные психологические феномены, в том числе и общение. Однако это вполне распространенное представление об общении в филогенезе и онтогенезе до сих пор не исследовано. Основная причина этого заключается в том, что познание субъективного компонента истории «в скудных или обильных, но всегда отрешенных от своего психологического источника останках прошлого является с методической точки зрения, вероятно, одной из самых трудных задач, с которой когда-либо сталкивались гуманитарные науки. Исторический психолог должен соорудить свою исходную модель из конструкций, предоставленных ему

современной наукой о человеке [18]. Трудности этой задачи столь велики, отмечают авторы, что заставляют некоторых ученых усомниться в возможности и необходимости ее решения. Нужно уяснить себе все опасности (преобладание феноменологических описаний, бессистемность, отсутствие общего плана познания своего объекта), связанные с использованием исторических моделей, опирающихся на современные экспериментальные и теоретические данные для объяснения явлений, качественно отличных от тех, с которыми психолог имеет дело сейчас. Но, если «обратить изложение цифрами, лингво-семиотическими комментариями, социологическими и психологическими гипотезами, то есть опереться на явные и твердые структуры невербального (или вербального) свойства, то исследование приобретет теоретический или практический лоск, но кое-что и потеряет. Потеряет характер целенаправленного ценностно-смыслового отношения, которое всегда является признаком гуманитарной ориентации. Оставшись же в пределах слов, оно будет одновременно моделировать, показывать и объяснять свой предмет, полунамеченный в категориях жизни, идеала, образа, переживания» [19]. Успех в этой области возможен только при условии тесного сотрудничества исторической психологии со всеми науками общественно-исторического цикла, в частности, с историей, философией, социологией, лингвистикой, искусствоведением, литературоведением и т.д. Понятно, что в силу специфики материала, психолого-историческое исследование должно отличаться от обычного социально-эмпирического исследования большей многоступенчатостью процедуры и включать этапы, не имеющие явного психологического характера. Другие психологи также считают, что в психологии исследования, проводимые социологами, историками культуры, филологами, этнографами, специалистами по семиотике, часто не попадают в поле зрения психологов. Но вместе с тем без координации с представителями всех этих наук проблема изучения социокультурных систем, в которых порождается и развивается личность и общение, остается

нерешенной.

Представим историю форм общения, основываясь на трудах различных отраслей науки о человекознании; непосредственной зависимости общения (в отличие от коммуникации), как социокультурного явления, от системы социальных отношений и развитие его во взаимодействии с развитием социальных структур, общественного сознания и культуры. При этом мы будем основываться на схеме анализа формирования общения в филогенезе (историографического взгляда на проблему человеческого общения), предложенной М.С. Каганом, реконструкции смысловых структур ушедшей культуры (гуманитарной психологии) Й. Хейзинга, семиотической интерпретации Ю.А. Лотмана, где культура рассматривается как система информационных кодов, закрепляющих жизненный социальный опыт, а также средства его фиксации. При анализе формирования ценностей будем исходить из положения ученых гуманистической ориентации: общечеловеческими ценностями являются те, которые соответствуют природе человека.

Эти положения определяют границы и основные особенности психолого-исторического понимания общения, которое является достаточно конкретным, чтобы наметить область поиска, и достаточно общим, чтобы не навязывать ему определенных психологических схем. Анализ будет проводиться на продукции культуры (в основном европейской), отражающей и транслирующей человеческие отношения: искусстве, театре, живописи, литературе, средствах массовой коммуникации, науки, религии (в частности православия).

3. 2. Общение на донаучном этапе культуры

Рассматривая общение как некое устойчивое отношение между людьми, системами, сближающимися в своих сущностных качествах, М.С. Каган [5] отмечает, что на раннем – дофилософском этапе культуры общественное сознание еще не было способно выделить отношения человека

к человеку как самостоятельную проблему. Внимание первобытного человека было устремлено на его отношение к природе и управляющему ею миру «духов». А отношение людей друг к другу не фиксировалось как сколько-нибудь существенное, требующее специального осмысления. Это нашло отражение в первобытном искусстве.

Исходя из точки зрения М.С. Кагана, можно предполагать, что другой человек (в отличие от природы и ее одухотворения) не представлял ценности для первобытного человека. Поэтому главным героем первобытного искусства был вообще не человек, а зверь. Древнейшие культуры имели зооморфный характер, а сами люди не различались один от другого как неповторимые личности, например, в индивидуе видели представителя рода, племени, общины. «Я» растворялось в «Мы» и потому отношения «Я» и «Другой» не было «задачей на смысл».

Однако обожествление природы, как показал еще Л. Фейербах, означает передачу человеком своих собственных, специфически человеческих качеств выдуманному им существом, олицетворяющим различные силы природы. С одной стороны, это самоотчуждение человека, добровольное его отречение от собственной субъективности, с другой, можно полагать – это тоже «отношение», перенос во внутренний план отношений к людям. Как пишут другие авторы, есть факты, позволяющие говорить, что в начертательной деятельности, преднамеренных погребений уже на ранних этапах антропогенеза человек выделял себя из окружающей действительности, то есть существовало автономное «Я».

С.Д. Дерябо считает, что специфика отражения субъектности природного объекта заключается в том, что человек сам ему ее моделирует, приписывает ее. Это феномен – субъектификации [4]. Он отмечает, что по крайней мере три главные функции, выполняемые субъектом по отношению к другим и отражаемые другим, принципиально отличающие его от объекта, вполне приемлемы и в данном случае.

Первая функция – обеспечение отражающему переживания

собственной личностной динамики. Другой отражается именно как субъект благодаря определенному сходству его характеристик с собственными характеристиками. С.Д. Дерябо в качестве примера приводит осмысление поведения кошки, заботливо вылизывающей своих котят, в человеческих категориях (сравнение ее с женщиной). Собственно приписывание природным объектам субъектности происходит с его точки зрения на основе индентификации в форме проекции. Механизмом, способствующим этому, является эмпатия. Вторая функция – опосредование отношений отражающего к миру. Другой открывается со стороны своей информативности, способности быть значимым при построении системы отношений человека с миром. Он выступает опосредующим элементом, причем опосредствующим именно на смысловом уровне. В каждом акте нашей активности, отмечает автор, незримо присутствует Другой. Что касается «природного Другого», то С.Д. Дерябо считает, что в этом заключается специфика собственно человеческого отражения мира, как раз и проявляющаяся на анализируемом этапе филогенеза и на ранних этапах онтогенеза.

Субъектифицированный природный объект в дальнейшем может выступать даже в качестве «референтного лица», способного менять личностью оценки других объектов. Такой объект приобретает свою самостоятельную субъектную «жизнь». В результате он может служить средством опосредствования личностью своих отношений с миром, переструктурирования своих смысловых образований. В качестве хрестоматийного примера С.Д. Дерябо приводит дуб из романа Л.Толстого «Война и мир». Вероятно, в данном случае уместна и аналогия субъектификации с садом, шкафом в «Вишневом саде» А.П. Чехова.

Наконец, третья функция – способность открываться отражающему в качестве субъекта совместной деятельности и общения. Для этого Другой должен выступать в качестве такого партнера. Автор отмечает, что это достаточно хорошо может быть выражено на вербальном уровне. Например, во фразе пастуха, обращенного к его собаке: «Ты, наверное, устала за весь

день, пока мы пасли коров» [4]. Субъектное отношение к природному объекту, характер мотивации, вся деятельность с ним кардинально меняются, возникает даже «общая система ценностей» и «совместная деятельность». Может быть, в этой непрагматичности и начинается диалог. А. Маслоу, например, считал, что бытийная любовь неэгоистична, бескорыстна, и для ее развития он предлагал упражнение на распространение такой любви неодушевленным предметам, например, свече.

Мы остановились на субъектификации природных объектов так подробно, во-первых, потому что этот, во многом скрытый от ученых, внутренний процесс, плохо изучен в психологии. Хотя, на наш взгляд, он позволяет понять предисторию человеческого общения, его механизмы (идентификацию, эмпатию и другие). Сам С.Д. Дерябо отмечает, что на основе идентификации, как объединения личностью себя с другим и включения в свой внутренний мир общих ценностей, норм и т.д., происходит становление «Мы», которое, согласно уже другому отечественному ученому Б.Ф. Поршневу, формируется в филогенезе и онтогенезе раньше «Я - Ты». В качестве подтверждения этому, автор отмечает наличие у некоторых первобытных народов множественного лица, при отсутствие единственного. По мнению автора, первичнее не отношения двух личностей, а отношения двух общностей. Причем первое человеческое психологическое отношение – это не самосознание первобытной родовой общины, а отношение людей к своим близким животнобразным предкам и, тем самым, ощущение ими себя именно как людей, а не как членов своей общины.

Идея субъектификации показывает, что уже на ранних этапах филогенеза определяющим для общения является ценностное отношение к партнеру, а также позволяет понять и формирование внутреннего диалога, который может вестись не только с природным объектом, а и с «квазиреальным» объектом, будь то Я-идеальное, другой субъект. Кроме того, субъектификация природного объекта может смениться, как указывает С.Д. Дерябо, и противоположным процессом реобъектификации, заменой

субъекта восприятия вновь объектом. В основе этого процесса лежат уже несколько другие механизмы (психологическая защита, рационализация и т.п.). Двухнаправленность процесса вскрывает сложность внутренних механизмов уже человеческого взаимодействия и позволяет понять двухнаправленность и частую противоречивость его внешних форм проявления.

Анализ субъективизации можно встретить и у других авторов: со «значимыми» другими, с литературными героями или историческими деятелями, с героями художественных фильмов и др. М.И. Бобнева считает, что общение с «мысленным собеседником» - следствие диалогичности внутреннего мира – интериоризованной формы личностного общения.

Вернемся к психосоциальному анализу. Сознание того, что другой человек или другой коллектив – столь же свободный, активный, полноправный, подлинный субъект, как «Я» или «Мы», без относительно к его этнической или классической принадлежности, пришло достаточно поздно. Если другая человеческая общность не воспринимается изначально как субъект, то в пределах каждой общности взаимоотношения индивидов постепенно формировали отношение к другому как к субъекту. Происходило это, как считает М.С. Каган, благодаря коллективному труду (начиная с охоты), который обеспечивал не только возможность победить зверя, но и обуславливало возможность взаимной выручки охотников, каждый из которых рисковал жизнью, и поэтому отношение к нему партнеров становилось для него проблемой жизни и смерти. Так рождалась нравственность, выражавшая позицию соучастников единого действия как субъектов – раноправных, самостоятельно принимающих решения, которые исходят из внутренних мотивов, а не внешних для индивида принуждений или запретов. Безнравственным же становилось технологическое, инструментальное, прагматичное отношение к другому в ситуации, требовавшей именно общения, а не управления. Первым нравственным принципом стал поэтому принцип взаимопомощи.

Подтверждение этого автор находит в открытиях П.А. Кропоткина и других ученых, открывших этот принцип у племен, находящихся на самых низких ступенях общественного развития (бушменов, чукчей, индейцев и др.). Именно в родовом быту, заключает М.С. Каган, обнаруживаются зародыши всего последующего развития общения и взаимопомощи людей. Некоторые авторы усматривают ее даже в животном мире, считая, что жизнь стадных животных регулируется инстинктами, например, «не убий» и т.п.

Началось общение еще до появления речи. Есть мнение, что знаковая деятельность человека началась с пантомимы, лежащей в основе ритуалов. Пантомима не только функционирует в каком-то отработанном и каноническом виде, но и импровизируется, сочиняется «на ходу», когда нет иного средства общения. С описания пантомимы начинается и всякое системное знаковое поведение всех коллективных живых существ (достаточно вспомнить «танец» пчел, брачные танцы птиц, демонстрацию силы вожака обезьяньего стада и другие «диалоги» животных). Приматы, вообще, регулируют поведение в стаде с помощью знаковой системы – жестов, мимики, эмоциональных фонаций. Согласно Б.Ф. Поршневу, «Мы» ощущается каждым из индивидов посредством различных обрядов, обычаев, подчеркивающих принадлежность к данной общности. Многочисленные работы показали, что система протопонятий, вместе с невербальными средствами коммуникации, составляют фундамент разумной деятельности и достаточно сложной сигнализации о ней. Без этого базиса не только не может быть сформирована вторая сигнальная система у человека, но и осмысление бытия. Э. Гуссерль связывал проблему интенционального тела с понятием «жизненного мира». Причем объективный мир конституируется сознающим и самосознающим телом. Согласно М. Хайдеггеру, язык не только проводник в бытие, но это сущностное определение бытия. Нет бытия самого по себе, есть говорящее тело.

По мнению Э. Левинаса [7], наряду с трансцендированием в мир есть и

транцендирование в средствах выражения. На нем основывается принадлежность к одной и той же культурной эпохе и, что особенно важно, взаимность всякого отношения. **Сплотить** воедино, то есть выразить (сделать значение возможным) – это и есть назначение культурно-значимого жеста. Так у выражения появляется роль служить средством общения, или преобразовывать мир согласно нашим потребностям. Знаменуя собою наши практические замыслы, выражение целиком проистекало из предшествующей ему мысли, направлялось изнутри наружу. В своем новом назначении, взятое на уровне культурного предмета, выражение более не ведомо заранее готовой мысли. Мышление само включается в Культуру с помощью предшествующего и обгоняющего словесного жеста, производимого телом. Очевидно, стало быть, заключает автор, что язык деятельности, посредством которого в бытии возникает значение, есть язык деятельности умов, воплощенный в телах. Тело соединяет субъективность процесса восприятия и объективность процесса выражения. Иными словами, прежде чем стать прославлением бытия, выражение есть связь с тем, для кого выражение что-то выражает, и чье присутствие необходимо уже для того, чтобы мой культурно-значимый выразительный жест имел место. Другой есть смысл как первоисток, ибо наделяет смыслом выражение; ибо только через него такой феномен, как значение, внедряется в бытие. При этом Другой освещен светом мира. Поэтому постижение Другого есть герменевтика, экзегеза. Другой дан в конкретной целостности, которой он имманентен. А эта целостность, согласно Мерло-Понти, выражается и обнажается от покровов нашим культурным начинанием – телесным, словесным или художественным жестом. Что касается первого, то, по мнению некоторых авторов, невербальная коммуникация является преимущественно выражением смысловой сферы личности, представляет собой непосредственный канал передачи личностных смыслов. Интонация, тембр, ритм речи помогают распознать смысл психологического акта, а наличие сложного смыслового содержания и глубокого значения жеста и

интонации в построении межсубъектных отношений.

Обобщая все вышесказанное, можно отметить, что из стремления жить в гармонии с миром природы родилась и потребность жить в гармонии и с себе подобными, которые на ранних этапах филогенеза, являлись для индивида просто частью окружающей действительности. Первые функции общения, соответствующие человеческой природе – сплочение и взаимопомощь, основывающаяся на равенстве и ставшая первым нравственным принципом. В русском словаре С.И. Ожегова и Н.Ю.Шведовой, в французском, английском, немецком словарях «сплотить», «сплочение» связывается с такими понятиями, как «единство», «соединить», «объединить», а М.С. Каган добавляет к ним еще «приобщение» к действиям, ценностям, переживаниям Другого. Другой при этом представляет особую значимость (ценность), как первоисточник, связанный с выживанием. Эффективным являлось общение, соответствующее этим функциям, то есть способствующее развитию отношений между людьми. Стремление к объединению и совместности существования (иначе человечество не могло выжить) способствовало развитию диалога, во многом благодаря субъективизации, как прототипу внутреннего диалога, способствующему развитию самосознания и диалогу с реальными людьми. Переживания тоже связаны с совместностью проживания, с «коллективными переживаниями». Вместе с тем, общение формировалось опираясь на выработанные в животном мире формы взаимодействия, поэтому игра тоже имеет место: как врожденная инстинктивная форма поведения и «благоприобретенная» (совместные игры, без которых невозможна стадная жизнь). Игра и диалог, как стремление к гармонии, пока почти неразличимы друг от друга. Например, в ритуалах сакральное и игровое начала переплетаются и неотделимы друг от друга. Поэтому стоящий за ритуальной практикой условный мир, является частью реального культурного пространства.

Человечество только накапливало, создавало общее «базовое» смысловое поле, на наш взгляд, из ориентации на диалогические

(нравственные отношения) и стали формироваться общечеловеческие ценности, максимально соответствующие человеческой природе. Особая роль в развитии общения и познания бытия принадлежит невербальной коммуникации, с помощью которой передавалась и значимость (ценность) другого человека. Кстати, в онтогенезе мы можем наблюдать такую же картину. Это неслучайно. Еще С.Л. Выготский предполагал, что филогенез и онтогенез могут рассматриваться как изоморфные области, одна из которых (филогенез) может выступать моделью другой (онтогенеза).

3. 3. Общение в период античности

Огромную роль в развитии общения сыграла древнегреческая культура. Афинское государство, отмечает В.А. Шкуратов [18], уменьшив коллективную ответственность за преступление, впервые определило принцип индивидуальной ответственности, что создало условие для обращения к собственной внутренней жизни, к собственным социальным ценностям. Древняя Греция явилась целой революцией в истории человечества: в способах общения, так как повысило престиж живого ораторского слова и, сделав массовыми публичные дискуссии, заменило внушение убеждением; формах рефлексии, вызвав интерес к собственному «Я»; строении психической системы в целом. Но все это стало возможным, отмечает автор, благодаря провозглашению прав и личной свободы человека, что во многом предопределило место и роль человека в бытии и культуре. М. Бахтин отмечал, что грек не знал нашего разделения на внешнее и внутреннее, человек характеризовался своей жизненной целостностью. Лишь в дальнейшем он утратил единство и целостность, которая определялась публичным началом. Образ человека стал многослойным и разносоставным. В нем разделились внешнее и внутреннее.

В словесном творчестве господствует еще эпический, а не драматический способ изображения. Например, в поэмах Гомера диалог

героев не играет сколько-нибудь существенной роли: он описывает их действия, а не их взаимоотношения, персонаж не выступает еще как наделенное свободой воли самостоятельное существо. Появление драматической формы, как самостоятельной, и ее быстрое развитие были связаны, как известно, с развитием личностного начала в жизни древнегреческого человека. В силу этого межличностные взаимодействия стали выдвигаться в поле зрения общественного сознания как отношения, не predetermined роком, а зависящие от воли, разума, характера самих личностей. Природа активности человека нашла отражение не только в героях Гомера и другой литературе, но и в скульптуре. Из этого же корня произрастают и «Диалоги» Платона.

В целом культура продолжает «играться» [17], но это уже не игры животных. По-прежнему большую роль играет невербальная коммуникация. Поэтому неслучайно, что в эллинской культуре расцветает театр - модель межличностного человеческого общения, строящаяся, прежде всего на экспрессии. Во времена всеобщей безграмотности театрализованное действие по существу визуализировало художественный текст. Так как такое действие рассчитано было на широкие массы населения, искусство театра родилось на площади. Поэтому этот вид лицедейства имел особенность – нужно было донести до зрителя максимум информации минимальными средствами, доступными всем. Таким средством оказалась экспрессия. Уже в площадном спектакле жест предшествовал слову. Актер точно направленным движением должен был собрать внимание зрителя, находящегося на далеком расстоянии, иначе тот будет долго искать, кто же открывает рот на сцене. От театра площадей значимость движений актера, обобщенность жеста, точность и броскость ракурса его тела «перешли» на театральную сцену [2].

Как отмечают историки и культурологи, в древних поэмах диалог героев не играл сколько-нибудь существенной роли: он описывал их действия. В связи с этим и в театральном представлении так важны жест, поза, походка героя, а не их взаимоотношения. Персонаж не выступает еще

как свободное самостоятельное существо. Поэтому большую роль в театральном действе играла маска, в определенной степени обезличивающая актеров. Иными словами, главным действующим лицом оказывался не актер, как некий творец, как индивидуальность, а его роль, отраженная в маске. Так, различные маски в греческом театре IУ века до н.э. подразделялись на маски трагедии, комедии, сатиновые, драмы и общие; мужские и женские, маски послы, педагогов, богов, героев, то есть уже выделяются статус, социальная роль. Некоторые маски персонифицировали даже различные понятия: город, войну, пьянство и т.д. «Добрый и великодушный отец», например, изображался так: волосы коротко острижены, лицо улыбающееся, глаза немного потуплены. А отец непреклонный и скупой – худые, запавшие щеки, рыжие волосы. Таким образом, во внешнем облике фиксируются не только социальные роли, но и нравственный аспект отношений.

Причем связь диалога и нравственности теперь уже отражается и в научных трудах. У Сократа и Платона, как отмечает М.С. Каган [5], не только впервые возникла этическая проблематика, отражающая межличностные отношения, но сама философская рефлексия выступила в форме диалога, то есть интеллектуального общения самостоятельно и поразному мыслящих людей. Античные философы (еще задолго до софистов) обратили внимание на проблемы человеческой сущности, смысла жизни людей. С давних пор идеалом грека была «аретэ» - добродетель, доблесть. С современным понятием нравственности оно отнюдь не совпадало. И все же уже тогда ценилось стремление помочь другим, пожертвовать собой ради другого – ради отца, друзей или всего родного края. Сократ, а затем его ученики, особенно Платона, исходили из того, что добродетели, «аретэ», можно научиться и подобает учиться всю жизнь. Этические взгляды Платона основывались на убеждении, что сущность человека, все его свойства проявляются и должны рассматриваться не в индивидуальной его жизни «для себя», а в его общественно-политической жизни. Свободный гражданин обязан был всецело посвящать себя заботам о поддержании наилучшего

равновесия тела и духа, стремиться к полному всестороннему раскрытию способностей, а также делам государственным. В «Законах» - своем последнем, оставшемся неоконченным произведении – Платон в середине IУ века до нашей эры мечтал об идеальном государстве. Таким образом, со времен Платона, а затем Аристотеля этика и политика считались неразделимыми. Возникали все новые философские школы, и в каждой из них мыслители пытались отыскать путь человека к нравственному совершенству и к счастью, к достижению идеала гармоничной личности. Споры о том, можно ли научиться добродетели, продолжались, и они питали собой всю греческую культуру на всем протяжении ее исторического развития, что, согласно Й. Хейзингу [17], характеризует игровой элемент культуры. Можно полностью согласиться с рядом авторов [5;18 и др.], что общественная мысль античности была способна сделать лишь первые шаги в осмыслении ценности общения: уровень реального развития личности, развитие индивидуальности которой было только в самом начале, и реальных отношений между людьми были еще слишком низки для того, чтобы проблема человеческого общения приобрела серьезное значение в общественном сознании.

Формирование осознания собственной идентичности способствовало и развитию манипуляций. Поэтому культура античности носила также и манипулятивный характер. Особенно это справедливо по отношению к Римской империи. Однако по тем же причинам (еще пока низкий уровень самосознания и осознания индивидуальности), это еще манипуляции, связанные с игровым элементом. Как считает Й. Хейзинга [17], за римской цивилизацией лежит фальшивый, внешний глянец. Религия, искусство, литература с преувеличенной настойчивостью уверяли, что римское изобилие гарантировано, в его победоносной мощи не может быть сомнения. Это отражалось в гордых зданиях, победных колоннах, триумфальных арках, стенных росписях в домах. Ее игровой элемент выходит далеко вперед, но не выполняет больше органической функции в устройении и деятельности

общества. Такова же была и политика. Игровой элемент Римского государства наиболее ярко предстает в лозунге «Хлеба и зрелищ», отражающем требования народа от государства. Однако греческая культура проникала в Рим и чрезвычайно обогатила его духовную жизнь. Большая часть римской знати преклонялась перед греческими обычаями, искусством, литературой. Лучшие представители римской философии также проповедовали презрение к материальным благам, поиски нравственного идеала, высшей ценностью объявлялся внутренний мир человека. Одновременно в духовной жизни римской империи появляются и ростки нового видения мира и смысла человеческой жизни – христианства. Оно приобретает все больше поклонников. Греко-римский мир вступал в эпоху перехода к религии спасения.

Следует отметить, что отношения между нравственностью и религией в рудиментарной цивилизации существуют лишь в зачаточной форме или вовсе не существуют. Но, как отмечают некоторые авторы, она вовсе не безнравственна, она только не нравственна. История учит нас, что предметы могут существовать независимо друг от друга целые века, прежде чем обнаружатся признаки их слияния. Религия в гораздо большей степени служит источником нравственного влияния, чем философских догматов, прибавляя к этим системам понятие о справедливости и святости, чувстве долга и любви. Согласно В.А. Шкуратову [18], с религией начинается мировоззрение дальних горизонтов. Введение принципа «индивидуальное тело - индивидуальная душа» привязывает человека к цели, которая может быть достигнута индивидом только в качестве элемента надобщинного единства. Сплочение идет уже не за счет внешних ритуалов, а внутренней духовной связи. Мировые религии, считает автор, победили за счет того, что поставили внутреннюю, субъективно-духовную связь над наднациональной, надтерриториальной связью. «Мировые религии оставили себе душу, отдав тело светской власти» [18, с.234]. Что касается христианства, то в нем нашел отражение новый и принципиально важный шаг на пути развития личности и

общения. Его формирование в пределах античной культуры было связано, опять-таки, с развитием самосознания личности. История Христа и его взаимоотношений с окружающими людьми есть, по сути дела, пишет М.С. Каган [5], развернутый художественный анализ нравственного содержания человеческого общения, в котором поведение каждого (Самого Христа, Понтия Пилата, Петра и Иуды) зависит от него самого, от его свободного выбора, от его индивидуальных душевных качеств.

По мнению М.С. Кагана, с одной стороны именно христианство утвердило право личности на самостоятельный, добровольный и ответственный выбор своего поведения, с другой стороны, тем не менее, высшая ценность была признана не за индивидуальным, а за «соборным», не за земной жизнью реального человека, а за загробной «жизнью» в царстве Божиим. Иными словами, с одной стороны, главным принципом человеческого поведения стали библейские заповеди, с другой – обусловленное этим нравственным кодексом человеческое общение оказалось не целью, а всего лишь средством, обеспечивающим человеку возможность общения с богом – мысленно-молитвенного на земле и прямого в загробной жизни. Из мифологического сознания эпохи детства человечества, как отмечает М.С. Каган, вырос монологизм. Он обрел развитые формы канона и догмы в мировых религиях эпохи феодализма и закрепился в европейской культуре. На авторитарную и конфронтационную природу культового мировоззрения указывают и другие авторы. В развороте человека к Богу, а не к другому человеку, продолжает М.С. Каган, концепция диалогического бытия и диалогического мышления не может получить признания и серьезной разработки. Оппонируя Н. Бердяеву, он пишет, что межличностные отношения – как межсубъективные – диалогичны, а отношение человека к Богу не может быть диалог, ибо оно не является отношением равным, равно свободных по отношению одного к другому партнеров. Поэтому, по его мнению, дальше разрозненных замечаний об отношениях «Я - Ты» Н. Бердяев пойти не мог. Не удалось это, с его точки

зрения, и С.Л. Франку, включившему в свою концепцию онтологических основ религиозной философии развернутый анализ отношений «Я - Ты». Высшей формой «Ты» в ней является Бог, и отношение человека с ним, основанное на любви - «единство двоих», «мы - бытие», которое М.С. Каган считает «квазидialogом», формой «самообщения» по Станиславскому, протекающей в сознании личности. Это не диалог, сохраняющий самостоятельность и самобытность его участников, диалектически достигающих духовной общности. В любом случае монологичное по своей природе религиозное сознание противостоит бахтинскому диалогизму.

С этим трудно согласиться, тем более, что сам М. Бахтин был религиозен. Монологизм порождает авторитаризм и манипулятивность. Однако православие, как мы это увидим позже, во многом препятствует этому. Более того, христианство с его идеей исповеди, молитвы сыграло большую роль не только в развитии нравственного отношения к людям, но и способствовало развитию диалога (его внутренней, а затем и внешней формы), равенство в котором задается тем, что Бог создал человека по подобию своему. Как уже отмечалось, внутренний диалог имеет те же характеристики и сущностные черты, что и внешне наблюдаемый диалог, и не имеет принципиального значения, с нашей точки зрения, с кем ведется внутренний диалог: с самим собой (Платон, Станиславский), другим человеком (как в психотерапии), с предметом или животным (как при субъективации) или с Богом. В диалогической концепции К. Роджерса [13], кстати, тоже можно найти такое «неравенство»: условия для диалога создаются одним из партнеров (психотерапевтом, родителем, учителем). Но именно благодаря этому развивается личность другого партнера.

Согласно М. Буберу, например, Бог есть также личность. Бог, созидающими, спасительными актами вступает в непосредственное общение с человеком и делает возможным непосредственное отношение с ним. Можно сослаться и на работы других авторов: думая о Боге, человек думает и о себе самом, и религиозное сознание человека является составной частью

его самосознания. Как отмечает материалист, атеист Э.Б. Тайлор, могучие божества сформированы по образцу человеческой души. Их чувства и симпатии, их характер и привычки, их воля и действия, даже самый образ и материальная структура их содержат черты, в значительной степени заимствованные у человеческой души. Высшие боги народов земли являются отражением самого человечества. Автор считает, что молитва «искреннее стремление души, выразившееся или не выразившееся внешним знаком», есть обращение личного духа к личному же духу. Молитва есть ни что иное, как дальнейшее развитие повседневного общения людей между собой. Пока поклоняющийся обращается к существу, хотя бы и значительно превышающему его по положению и могуществу во вселенной, но к существу духовному, скоенному по образцу его собственной духовной природы, молитва для него является актом и разумным, и практическим. На низших ступенях развития цивилизации встречалось много племен, которые признавали существование духов, но относительно которых неизвестно с достоверностью, чтобы они молились им даже мысленно. Молитва фигурирует в религии уже на низших ступенях культуры, но не имеет еще нравственной основы. В ней испрашивается исполнение желания, но желание ограничивается одними личными выгодами. Только на более поздних и более высоких ступенях нравственности, поклоняющийся начинает прибавлять к прощению о благополучии мольбу о помощи в совершении добра и избежание зла. Таким путем молитва становится орудием нравственности, значительной двигательной силой в ее деле. И силой не только укрепляющей, но и контролирующей чувства и порывы нравственной жизни посредством сознания сверхъестественного вмешательства и помощи. Христианство дало человечеству представления о конечных, абсолютных основаниях нравственного выбора, придавая другому не только общечеловеческую, но и сакральную ценность, рассматривая его как образ и подобие Божие, и, по мнению С.Л. Франка. Согласно ему, религия всегда означает веру в реальность абсолютно-ценного, признания начала, в котором слиты воедино

реальная сила бытия и идеальная правда духа.

Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию по этому поводу, отметим то, с чем согласны все авторы: христианство дало человеку веру в возможность и необходимость нравственного со-существования. В связи с этим, вполне закономерно появление в ситуации общественного кризиса в отечественной психологии – христианской психологии, ориентированной на признание абсолютных оснований нравственности, как сознательной ориентации на христианский образ человека, христианское понимание его сущности и развития. Вера тесно связана со смыслообразованием. Поэтому христианство укрепило формирование общечеловеческих ценностей и ценность Другого. На наш взгляд, оно придало и ценность общению (внутреннему диалогу), хотя им пока наделяется лишь молитва.

3.4. Особенности общения в средневековье

Древнегреческая культура, как никакая другая, питала собой культуру последних эпох, побуждая осознанно обращаться к себе, как к источнику созидания новых культурных ценностей. Она предопределила нравственные, диалогические отношения. «Человек есть мера всем вещам – существованию существующих и не существованию несуществующих» (Протагор) – выделялось глубоко гуманистическим содержанием. Средневековье, пожалуй, самый противоречивый этап в жизни человечества. Наверное, неслучайно, что точное время его трудно уловить. Во-первых, культура средневековой Западной Европы была пронизана духом христианства. Во-вторых, в этот период были заложены основы современной западноевропейской демократической системы. В-третьих, в это же время наметилось привнесение манипуляций в политическую жизнь, получившее в дальнейшем широкое распространение в других сферах жизнедеятельности человека. Наконец, это самый «играющий» период в жизни человечества.

Остановимся лишь на некоторых, наиболее важных периодах средневековья. Как известно, в XIУ-XУI веках два явления в культуре –

Ренессанс и Реформация - произвели своего рода революцию в духовной жизни Европы. Они разрушили старую средневековую систему ценностей и формировали новый взгляд на личность. И Реформация, и Ренессанс поставили в центр энергичную человеческую личность, устремленную на преобразование мира, с выраженной волей. Рисуя идеал человека, в котором физическая и духовная красота сливаются воедино, деятели этого времени подчеркивали ее доброту, силу, героизм, творчество, то есть те ценности, которые еще соответствуют общечеловеческим. При этом высокое представление о человеке было неразрывно связано с идеей свободы его воли: личность сама избирает свой жизненный путь и отвечает за него. Ценность человека стала определяться его личными достоинствами.

Следует отметить, что Возрождение было одним из величайших универсальных культурных поворотов, которое переживало человечество. Его культура, отмечает М.С. Каган [5], имела диалогический характер, была провостницей индивидуализма, свободы, освобождения культуры от религиозно-монологического авторитаризма. Одно из важнейших его достижений – появления гуманизма в философии. Кроме того, культурой Возрождения было привнесено новое, демистифицированное понимание человеческого общения. Оно выросло из гуманистической основы ренессансного мирозерцания и нашло разностороннее художественное воплощение в литературе: Боккаччо сделал предметом художественного исследования именно человеческое общение в бесконечном многообразии его конкретных форм, в лирике Петрарки любовь – истинно человеческое общение, Шекспир в драматургии образно моделировал человеческое общение. Суть произошедшего перелома, по мнению М.С. Кагана, с наибольшей отчетливостью и наглядностью проявилась и в трактовке ренессансной живописью традиционных сюжетов христианской мифологии: «Тайной вечери» Леонардо да Винчи – полифонии человеческих взаимоотношений; общении матери и ребенка в многочисленных образцах

«Мадонны с младенцем». Таким образом, не только молитва, но и само общение уже становится ценностью.

Эпоха Возрождения – последняя эпоха, еще удерживающая естественность, непосредственное единство искусства и жизни, но уже как исчезающее. Здесь происходит распад изначально единого: возникает станковая живопись, входит в практику концертное исполнение музыки. Искусство в эту эпоху осознается как автономно существующее, также имеющее самостоятельную ценность, и создаваемое ради нее. Возрождение создает новый тип художника-творца и новую концепцию художественного творчества, для которого характерна рефлексия художника, осознанность акта творчества.

В ХУП века борьба чувства и долга, страсти и разума стали центральной темой человекознания, приведшие в дальнейшем Э. Гоффмана, Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Б. Брехта к метафоре «двойника». М.С. Каган обращает внимание в связи с этим, что в Англии в начале ХУШ века родилась идея «самообщения» личности, внутреннего диалога между разными «Я» одного и того же человека. И все-таки, считает Й. Хейзинга [17], духовная ситуация в целом в эпоху Ренессанса есть ситуация игры – веселый или праздничный маскарад с мифологическими фигурами, аллегориями, декоративной фантазией в архитектуре и графике, литературе. С понятием гуманизма, отмечает автор, мы обычно связываем менее красочные, более серьезные значения, нежели с термином «Ренессанс». Гуманисты культивировали строго сформулированный жизненный и духовный идеал. Им удалось даже вплетать в свои антично языческие образы и классическую речь выражение своей христианской веры, но притом они вносили в эту веру ноту искусственности и не до конца искренней серьезности. Средневековая жизнь, считает Й. Хейзинга, полна игр, языческих элементов, которые преобразились в чистую шутку, пышную игру рыцарства, в утонченную игру куртуазности и целый ряд других форм. Культура Ренессанса была ориентирована на возрождение античного

наследия, диалога в том числе, который трансформируется в диспут-дискуссию. Вся жизнедеятельность средневековой науки облекалась в игровые формы. Бесконечные диспуты, пышные университетские церемонии, группировка и раскол по направлениям всевозможного рода – подпадают более или менее под категорию состязание и действие игровых правил. По его мнению, нельзя назвать почти ни одного другого века, атмосфера которого была бы так же глубоко отмечена стилем своего времени, как ХУП век: всеобщее моделирование жизни, духа и внешнего облика по выкройке барокко, в котором игровой элемент звучит особенно отчетливо. Это находит иллюстрацию в одежде, особенно мужском костюме, перегруженном украшениями, бантиками, лентами, кружевами, в парике ХУП и ХУШ веков. Примечательно в его ношении не только то, что он неестественный, стесняющий и вредный для здоровья простой каприз моды господствует полутора века, но и то, что чем дальше, тем больше парик отделяется от естественных волос, стилизуясь.

Таким образом, человечество все больше уходит от непосредственности и естественности, на наш взгляд, и естества своей природы. Подтверждением этого является то, что большое значение приобретает социальная роль и статус личности. В средневековье личность как бы сливалась с группой, представляла группу как целое и, тем самым, прежде всего, выражала социотипическое поведение, выражающее общую тенденцию социальной системы к сохранению. Даже в литературных источниках и автобиографии можно обнаружить только простые фиксации событий («Я служил в...»), прямые автономинации («Я природный дворянин...»), носящие отстраненный характер (нулевая форму рассказа о себе от третьего лица). В.А. Шкуратов [18] это объясняет тем, что «корпоративная личность» средневековья была вовлечена в очень небольшое число малых групп. Почти вся ее жизнь протекала в рамках одной общности (деревенской общины, купеческой гильдии и т.д.). При этом вариации в поведении обуславливались не столько переходом из одной группы в

другую, сколько сменой состояний в пределах фиксированной социальной группы.

В социальных системах с сословным делением большую роль выполняет одежда: человек носит одежду, а одежда «носит» его роль. А.Г. Асмолов [1] приводит следующие примеры: в Древнем Китае чиновники обязаны были носить головной убор с загнутыми вверх полями, а ученые – головной убор, сзади похожий на нечто вроде двух крыльев; в раннем средневековье сословные различия фиксировались не столько формой костюма, сколько качеством ткани и набором украшений. Надо полагать, что такая внешняя фиксация роли, есть во многом продолжение невербальной презентации личности, начавшейся в древнем театре присвоением экспрессивных масок той или иной роли.

Ю.М. Лотман [9] также пишет об оформлении внешности, отражающей социальную роль, статус человека. Но речь уже идет о XVIII веке. С ним согласен и Й. Хейзинга [17]. Если вообще стиль и атмосфера эпохи когда-нибудь рождались в игре, считает он, то это произошло со стилем и настроениями европейской культуры второй половины XVIII века (классицизмом, романтизмом, сентиментализмом). Воспользуемся примерами, приводимыми Ю.М. Лотманом [9]. Он отмечает, что в XVIII веке русский и европейский дворянин не носил меча, как это было в предыдущее время. Но на боку у него висит шпага, иногда украшенная, игрушечная парадная шпага, которая оружием не является. Это – символ, означающий меч, как принадлежность к привилегированному сословию. Ю.М. Лотман приводит в качестве примера «Войну и мир» Л. Толстого, где описывается офицер, ведущий своих солдат в сражение с парадной (то есть бесполезной) шпагой в руках. «Сама биполярная ситуация «бой – игра в бой» создавала сложные отношения между оружием как символом и оружием как реальностью. Так шпага (личность) оказывается вплетенной в систему символического языка эпохи и становится фактом ее культуры» [9, с.7]. Напомним, что символизм, замещение предметов (приписывание одним

предметам или явлениям значения и смысла другого) – одна из главных особенностей игры, создающих эффект полуправды, полуискренности и т.д. Конечно, принадлежность к дворянству определялась, как пишет Ю.М. Лотман, также и определенными правилами поведения (обычаи требовали, например, от офицера более разгульной жизни, чем от чиновника), принципами чести, даже покроя одежды. Он ссылается на случаи, когда «ношение неприличной дворянину одежды» или также «неприличной дворянину» бороды, делались предметом тревоги политической полиции и самого императора.

Отход от естества человеческой природы, следовательно, и от сформировавшихся общечеловеческих ценностей, не мог не отразиться, на наш взгляд, и на представлениях о нравственности. Можно это проиллюстрировать на принципах чести, основывающихся в определенной степени на нравственных отношениях, однако, они уже представлены социальной позицией, а не экзистенциальным равенством. У того же автора, мы находим указания на парадоксальную норму русского законодательства: рана, даже тяжелая, если она нанесена острой частью меча, влечет за собой меньшую кару, чем не столь опасные удары не обнаженным оружием или рукояткой меча, или тыльной стороной кулака. Дело в том, объясняет Ю.М. Лотман, что рана, нанесенная острой (боевой) частью холодного оружия, болезненна, но не бесчестит, в отличие от вторых случаев (рукояткой, палкой бьют рабов). Более того, она даже почетна, поскольку бьются только с равным. Материальный ущерб, материальный достаток, как вообще вещи – принадлежат области практической жизни, а оскорбление, честь, защита от унижения, чувство собственного достоинства, вежливость (уважение чужого достоинства) принадлежат сфере культуры. При этом все окружающие нас вещи включены в общественную практику, становятся как уже отмечалось, сгустками отношений между людьми.

Чин, продолжает анализ статусных отношений Ю.М. Лотман, это некая узаконенная фикция, слово, обозначающее не реальные свойства человека

(не личность), а его место в иерархии. В ХУШ веке статусные отношения предписывали: начальнику ставить дату письма сверху, подчиненному – внизу, и в случае нарушения этого, подчиненному грозили неприятности. При Анне и при Елизавете было установлено дамы какого класса (в зависимости от чина отца (до замужества) и мужа (в браке)) имеют право носить золотое шитье на плечах, а какого – серебряное, какова должна быть ширина кружев и т.д. Даже любовные отношения определялись социальным положением: знакомство, сватовство и сама свадьба, которая тоже представляла собой сложное ритуальное действие. При этом дворянская свадьба, отмечает Ю.М. Лотман, в общей ритуальной схеме повторяла традиционную национальную структуру, однако, в ней проявлялась и социальная специфика.

Игровое качество ХУШ века проявляется и в искусстве управления государством: политика кабинетов, политические интриги и авантюры – воистину никогда еще не было до такой степени игрой. Однако, это уже не столь безобидные игры. В ХУ1 веке появляются работы Н. Макиавелли и девиз «цель оправдывает средства», получивший пока распространение в политике. Правители, пишет Й. Хейзинга [17], с любезной улыбкой и учтивыми словами на устах подвергают смертельному риску могущество и благосостояние своих стран, словно собираются жертвовать слона или коня в шахматной игре. Тем не менее, как отмечает М.С. Каган [5], на данном этапе развития культуры еще не приобрела определенного значения гоббсова формула «Человек человеку - волк», зафиксировавшая основной принцип бесчеловечных (манипулятивных) отношений, разрушительно сказавшихся на общении людей. В ХУП и ХУШ столетиях еще верят в возможность создания общества свободы, равенства и братства, то есть нравственно совершенного человеческого общения (диалога). М.С. Каган приводит художественный пример тому – «Робинзон Крузо» Д. Дефо, где отношения между Робинзоном и Пятницей стали моделью равноправного человеческого общения.

В эпоху Просвещения именно такое понимание сущности человека и человеческих взаимоотношений завоевывало все более широкое признание. После Возрождения и Реформации это был третий духовный переворот, практически полностью покончивший со средневековой системой ценностей. Руссо, этика И. Канта, сентиментализм, предромантические течения, шиллеровская теория эстетического воспитания выражали «реструктуризацию» общественного сознания – перемещение центра тяжести с природы на человека, с онтологии и гносеологии на антропологию и педагогику, этику и эстетику, а применительно к самому человеку – на те психические механизмы, которые управляют взаимоотношениями с ему подобными, а не с Богом или природой.

Начавшийся еще с XV века рост производства и эпоха стихийного, бурного самоутверждения личности, постепенно освобождали ее от корпоративности и морали, подчиняющими индивида целому. Стихийный, безудержный индивидуализм имел свои издержки – эгоизм, стремление к власти, отказ от морали. Отсюда характерная для раннебуржуазного сознания модель человека, в которой преобладающее место занимает разум, а чувственность сводится к непосредственному контакту психики с внешним миром.

Новое время – эпоха, связанная с утверждением буржуазных отношений в Западной Европе. В эту эпоху модернизации начала формироваться индустриальная цивилизация, еще более разрушающая традиционную. Подрыв христианской морали, привел к тому, что уже в изображениях добродетели и героизма литература XVIII века, отмечает Й. Хейзинга [17], обнаруживала лишь скудный ресурс правдивости. В сознание людей уже внедрилось понятие о вине общественных устройств в человеческих преступлениях и пороках. Это эпоха оправдательных приговоров литературой соблазненным девушкам и детоубийцам. По логике развития литературного жанра, пишет Й. Хейзинга, интерес все более перемещается с вознаграждения добродетели на безнаказанный порок.

В целом Новое время породило и нового человека, способствовало изменению его системы ценностей, представлений о своем месте и роли в жизни. Человек традиционный был уверен в стабильности общества, в котором он жил. Современный человек стремится контролировать и видоизменять и природу, и общество. Модернизированный человек – новый тип человека с особым отношением к труду, религии, обществу, семье и любви к самому себе. У него новое восприятие мира, непохожее на средневековое, которое стало зарождаться еще в эпоху Реформации. Это – мобильная личность, которая быстро приспосабливается к изменениям окружающей жизни. В отличие от средневекового человека, он не ограничивается социальными рамками своего сословия, корпорации, своего города.

Одним из важнейших критериев жизненного успеха становятся деньги. Однако пока методы достижения богатства должны быть нравственны. Старая цеховая солидарность еще не изжила себя. Процветание торговца или предпринимателя зависит не от внешнего лоска, рекламы, а от доверия окружающих. Тем не менее, стремление господствовать и контролировать природу, себя и людей, индивидуализация на фоне улучшения и облегчения за счет технического прогресса жизни, способствовали развития манипуляций, а уход от естественной связи друг с другом, стал изменять представление об общечеловеческих ценностях: ценностью стало обладать «Я», но не Другой и само общение. Таковыми они постепенно стали являться лишь в случае принесения конкретной пользы индивиду. Практическая польза, уходя в подсознание, становится нравственностью и эстетическим вкусом. Определение ценностной иерархии, построенной по принципу пользы, отражает полнейшее равнодушие к истине, так как происходит подмена жизненных целей средствами.

3.5. Общение в девятнадцатом веке

Итак, уже в XVIII веке духом культуры стали завладевать трезвое,

прозаичное понятие пользы и идеал буржуазного благополучия. В эпоху Нового времени в процессе развития производства, технических средств, вызвавших индустриализацию и урбанизацию, трансформацию сословных различий, становление всеобщей грамотности населения и деградацию традиционной культуры зародилась массовая культура. В XIX веке происходит очередной демографический взрыв, подготовленный буржуазными революциями и рыночными отношениями в Европе. Буржуазное общество создало «мозаичную» культуру, которая уже не представляет собой упорядоченно построенное целое. «Мозаичная» культура порождает «человека массы», которым очень легко манипулировать. Усовершенствование технических средств воздействия приводит к такой унификации взглядов, какой до сих пор не знала история. Массовая культура – особое состояние культуры в кризисный период общества, когда распадаются ее содержательные уровни, в частности традиционная мораль. Человек и его культура задохнулись в массовой культуре, в которой уже не было сил нащупать и обрести необходимые нравственные и духовные ориентиры, отмечают ряд авторов. Например, «вещизм», «массовая культура», «антикультура» связаны с нарушением связей между предметом и смыслом и могут характеризовать неблагополучие в культуре. Смыслополагание эстетизирует объект, деятельность, придает ему определенный возвышенный характер. И, наоборот, низкое, ироничное обесмысливает. Низкое не может быть смыслополагающим, считает автор. Оно является смыслоразрушающим.

Индустриальное общество создает более комфортные условия обитания, освобождает во многом от борьбы за существование, ориентирует человека на потребительские ценности. Поэтому для «человека массы» характерна уверенность в собственном совершенстве, стремление к наслаждению во всех сферах жизнедеятельности, низкие эстетические запросы, в связи с чем продукты массовой культуры отличаются легкостью усвоения и предоставлением человеку возможности сиюминутного

удовольствия. Таким образом, с одной стороны, впервые культурой оказались охвачены практически все слои общества, с другой стороны, массовая культура способствовала усреднению и обезличиванию человека, стандартизации ценностей, не ориентированных на глубокое осмысление бытия.

Для XIX века типично то, что он во всем становится серьезнее. Приоритет «серьезного» - еще одна причина роста манипуляций. М. Вебер замену внутренней приверженности привычным нравам и обычаям (сочетающееся с вытеснением аффективных действий) планомерным приспособлением к соображениям интереса, называет «рационализацией действия». Этот процесс, вытесняющий также ценностно-рационального поведения в пользу целерационального, при котором уже не верят в ценности, с одной стороны, является тенденцией самого исторического процесса за последние 300-400 лет, но, с другой – его судьбой, так как не был необходимым, то есть заранее predetermined. М. Вебер лишает эти преобразования онтологического статуса, признает методологическую значимость рационализма, но не онтологическую.

В связи с приоритетом «серьезного» неслучайно, что различие игры и не-игры (манипуляции) в явлениях цивилизации становится все труднее, по мере того приближения к нашему собственному времени. Игровой элемент культуры с XVIII века, где он находился в полном расцвете, утратил свое значение почти во всех областях. Культура XIX века едва ли еще «играется». Там же, где кажется, что она играет, игра эта, как отмечает Хейзинга [17], фальшива.

Игровому фактору не давали пищи ни либерализм, ни социализм, ни экспериментальная и аналитическая наука, ни философия, политический утилитаризм и реформизм. В искусстве и литературе иссякло романтическое воодушевление. В XIX веке усиливаются антиморалистические факторы. Реализм видел свою задачу во все более откровенном описании вначале человеческого естества, затем и

противоестественного. Трудно сказать, пишет Й. Хейзинга, насколько отход литературы от морали вызывает прямую порчу нравов. При всем том широкая и невинная публика постепенно привыкла переносить крайности вольномыслия и безнравственности, приучаясь видеть во всем этом прерогативу искусства. В реализме и натурализме, но, прежде всего, в импрессионизме, стали преобладать формы выразительности, чуждые понятию игры. Убывают фантазии и в мужском платье. Европа надевает рабочее платье. Длинные брюки (до тех пор в различных странах одежда крестьян, рыбаков, матросов) становятся принадлежностью туалета господ, вместе с буйными прическами, выражающими неистовство революции. Женское платье со времени раннего средневековья претерпело гораздо меньше перемен, чем мужское. Только к концу ХУШ века женский костюм начинает «играть», и только на рубеже Х1Х-ХХ веков возникает в высшей степени многозначительное движение в моде, которое возвращает женское платье к большей простоте и естественности, чем это наблюдалось с 1300 года.

Испарилась атмосфера игры даже в спортивных играх. СМИ побуждают к состязанию и делают возможным удовлетворение потребности в нем. Тоже делает и коммерческая конкуренция, которая, согласно автору, не относится к первоначальным, древним и священным играм. В политике конца Х1Х века игровые формы более или менее осознанно используются для утаивания общественных или политических намерений, но это уже не вечный игровой элемент культуры, а, как отмечает Й. Хейзинга, псевдоигра, предполагающая корыстную цель коллективной или индивидуальной выгоды.

Наука Х1Х века также все больше становится воплощением принципа рациональности, все меньше обнаруживает игровых черт. Дальнейшее развитие естественных наук, в частности химии и биологии, привело в Х1Х веке к пересмотру взглядов в физиологии и к тенденции рассматривать человеческий организм в свете физико-химических законов. Это дало толчок

к «физиологизации» психологических представлений. Буржуазная культура, ослепленная авторитетом естественных наук, абсолютизируя в XIX веке научный монолизм, пытается распространить его действие и на политические, этические, эстетические представления. Таковы установки позитивизма. Неудивительно, отмечает М.С. Каган [5], что они должны были, раньше или позже, вызвать острую реакцию неприятия, отторжения, преодоления в тех культурных потоках, для которых неприемлемым было простое перенесение на сферу ценностей монолизма естественнонаучного знания. На этом фоне появляются труды голландского мыслителя Ф. Гемстергойса, затем в философии культуры Ф. Шлейермахера, некоторых других романтиков, затем учение Л. Фейербаха, в центр которого было поставлено диалогическое отношение «Я - Ты». И если психология начала XIX века была исключительно психологией индивида и не принимала в расчет социальных процессов, в последней трети XIX века положение изменилось. С одной стороны, психологи обнаружили, что высшие психические функции невозможно свести к физиологическим процессам, так как требуется учет сложных социальных факторов. С другой стороны, социологи проявили интерес к проблемам мотивации и психологическим механизмам социального поведения. В результате слияния этих двух встречных движений сложилось психическое направление в социологии.

Итак, в XIX веке благодаря приоритету рационального (серьезности) над эмоциональным, рыночным отношениям, массовой культуры уже созданы все условия для роста манипуляций, что закономерно привело к тому, что почти во всех проявлениях культуры игровой фактор отступает далеко на задний план. Однако, во-первых, анализ литературы показывает, что появление манипуляций не было исторической необходимостью, не было онтологически предопределено, поэтому они не соответствуют человеческой природе. Во-вторых, их появление связано с приоритетом пользы, прежде всего, коммерческой (которая не соответствует человеческой природе, не является игрой). В третьих, это отразилось на

общечеловеческих ценностях (связано с заменой традиционных, соответствующих человеческой природе ценностей). Вполне закономерно, что именно в это время получает свое развитие идея диалога. Историографический взгляд на проблему человеческого общения, проведенный М.С. Каганом, позволяет обнаружить истоки ее философского рассмотрения на рубеже XVIII и XIX веков. Однако в XIX веке все-таки господствовал научный монолизм. В конце XIX - начале XX века вновь возникла потребность осмысления человеческого общения и его внутренних механизмов. Исследование отношения «Я - Ты» стало центральным в ряде философско-эстетических и социально-психологических учений – в трактатах М. Бубера, один из которых был выразительно назван «Я и Ты», в трудах С.Л. Франка и других ученых, анализируемых ранее.

3.6. Общение в двадцатом столетии

На этот этап развития человечества стоит обратить особое внимание. Во-первых, это «недавнее прошлое», помогающее понять настоящее. Во-вторых, это время наибольших психологических приобретений. Психология уже полностью «отпочковалась» от философии, что дало сильный толчок для ее развития. В тоже время в конце XIX – начале XX века обострилась борьба материалистических и идеалистических идей внутри психологии, что имеет непосредственное отношение к формам общения. В-третьих - пожалуй, никогда еще психология не была так сильно связана с социальной практикой, стала обслуживать ее, что позволило моделировать и «внедрять» формы общения в реальную жизнь. В-четвертых, это новый и последний всплеск интереса к диалогу.

Наступившая эпоха резко обострила все социальные противоречия. Многие авторы отмечают, что никогда прежде западные европейцы не ощущали себя настолько стандартизированными, обезличенными, как в XX веке, хотя объективно в это время созданы небывалые условия для расцвета

индивидуальности. В XX столетии в целом обостряется конфликт между ценностью «быть личностью» и социотипическими ролевыми проявлениями личности в разных социальных группах. Наступил своего рода кризис идентичности, связанный с нивелировкой «Я». При этом отмечает Й. Хейзинга [17], произошла контаминация игры и серьезного. Обе сферы совместились. Зло нашего времени, пишет автор, заключается в том, что игра теперь во многих случаях никогда не кончается, а потому она не есть настоящая игра. Для Й. Хейзинга XX век сделал историю как никогда прежде «орудием лжи», особенно на уровне государственной политики. Нигде нет большей необходимости, считает Й. Хейзинга, придерживаться установленных правил, как в общении между народами и государствами. Однако именно в XX веке государства игнорируют всеобщие морально-нравственные права, и договоры не выполняются. В целом нарушение правил игры разрушает саму культуру.

В 10-20-х годах XX столетия разрушался монологизм и в искусстве. Широко распространяются новейшие течения в области теории и практики живописи: кубизм, лучизм, экспрессионизм и ряд других «измов». Их объединяет отказ от общепринятых прежде принципов «реализма». Как отмечает В.А. Шкуратов [18], к концу XX века естественная среда человека была вытеснена искусственным окружением, даже в зеркале искусства, он видит вместо своего лица какие-то кубы, пятна и зигзаги.

Нестабильность экономической и политической жизни порождала в социальной среде чувства беспокойства, подавленности, неуверенности в будущем. Потрясающие весь мир империалистическая война и социальная революция в России, привели к напряженному размышлению философов, психологов, педагогов, писателей и художников, публицистов и теологов над проблемой индивидуального бытия личности, потерей ее сущностной самости и смысла жизни, трагизма ее обособления от себе подобных, от «Другого», и над путями преодоления этой драмы одиночества некоммуникабельности. А Р. Мэй даже указывает точную дату краха

культуры, предзнаменованием которого было разобщение людей – 1914 год. О. Мандельштам очень емко характеризует жестокость XX века – «век-волкодав». Э.М. Ремарк, словами одного из своих героев, следующим образом выразил сущность мировосприятия своих ровесников – людей «потерянного поколения» и тем самым описал еще одну (главную внутреннюю причину) манипулирования - недоверие: «Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища, не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб и земля; но что же из этого получилось? Все рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставались только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих и мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета» [Ремарк Э.М. Три товарища. М:АО «Вита-Центр», 2014, с.3]. Известная формула Сартра «Ад – это другие» точно обозначила суть сложившейся трагически-абсурдной социокультурной ситуации. «Туизм», то есть представление о «связке» Я и Ты и о диалоге как способе ее осуществления, и стал попыткой теоретического преодоления этого «ада» коллективного бытия в разобщенном, индивидуалистически рассыпающемся обществе (Э. Гуссерль, Н. Бердяев, Л. Шестов, Г. Марсель, К. Ясперс, Э. Мунье П. Флоренский, Л. Карсавин, А. Мейер, Ф. Эбнер, М. Бубер, М. Хайдеггер и др.). Идеи Другого и диалога в науке 20-х годов, пишет М.С. Каган, что называется, носились в воздухе, как подлинная альтернатива «теоретизму и монологизму». Эта проблематика нашла отражение и в «Метафизическом дневнике» Г. Марселя и в «Бытие и времени» М. Хайдеггера. Затем в трудах Дж. Мида, К. Ясперса, Э. Мунье, Ж.-П. Сартра, в книге С.Л. Франка «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии», опубликованной в 1939 году.

В середине XX века ценностный кризис (кризис культуры) в целом усиливается. Гигантский нравственный потенциал несли, поэтому первые бунты «Битлз», «хиппи» и других молодежных групп, рождение которых

было интуитивным ответом, неосознанным протестом молодых поколений, потрясенных безнравственностью технократической власти, бездушием и ханжеством технократического мира. Любовь хиппи, пишет Р. Мэй [11;12], акцентирует непосредственность, спонтанность и эмоциональную неискренность момента. Она сама является ценностью и направлена против манипулятивной воли предшествующего поколения.

В XX веке огромную роль стала играть идеология. При этом психология стала использоваться с целью воздействия на массовое сознание. Резко увеличилось количество разработок, направленных на создание манипулятивных технологий. Главная цель пропаганды – управление коллективными аттюдами путем манипулирования значимыми символами, писал Г. Лассуэлл. В 60-ые годы Дж. Миллер, президент Американской психологической ассоциации призвал «поделиться» с обществом плодами психологической науки, что еще больше усилило связь психологии с социальной практикой. Игра, «перерождаясь» как фактор культуры, широко используется для моделирования общения, но уже с другими целями. Еще в начале века понятия «внутренней группы» («мы - группы») и «внешней группы» («они - группы», «группы других») стали основными категориальными единицами теории формулирования общих законов отношений между различными человеческими общностями (от семьи до государств и наций) с позиций борьбы за существование, носящей враждебный характер, что оправдывало манипулирование. Во второй половине XX века стали разрабатываться многочисленные модели конфликта, порожденные атмосферой тревог и сомнений периода «холодной войны». Большинство американских ученых-бихевиористов отказалось от изучения целей и ценностных систем конфликтующих сторон, и избрали в качестве методологии теорию игр. Таким образом, бихевиористское течение в психологии, отражающее экономическую ситуацию (ее быстрый рост, конкурентную борьбу, широкую механизацию и автоматизацию), помимо научной, познавательной ценности, приобрело политическую ценность, как

средство контроля и манипулирования людьми. В целом Скиннер не только подвел научную базу под обоснование манипулирования людьми (создание общины на основе комплексов подкрепления, образов политиков, технологий пропаганды, рекламы и т.п.), но и добавил к ней некоторые практические рекомендации. Политическое действие есть всегда вопрос манипулирования комплексами подкрепления. При чем человек не должен их видеть, чувствовать, но через них культура создает в конечном итоге легко манипулируемый тип личности, который ни в чем не должен выражать недовольства. Но главное – контроль, который, кстати, взаимен: раб собственным поведением предопределяет те наказания, которым подвергает его хозяин, ребенок – родителя, пациент – врача и т.д.

Таким образом, к середине XX столетия усилия психологов (в основном американских, составляющий в то время неоспоримое большинство) были сосредоточены на разработке техник и технологий, что стало способствовать развитию различных форм и средств манипулирования собой или другими. В целом человек выглядел несовершенным, деструктивным, зависимым от прошлого опыта, биологических потребностей, внешних обстоятельств, судьбы или других людей. Ценности, осмысленность бытия и субъективные переживания, сопровождающие их, практически стали уходить с научной «арены» на задний план, либо вовсе не учитывались, как в ортодоксальном бихевиоризме. В этой ситуации оформляется гуманистическая психология, претендующая на «очеловечивание» самого человека и психологии в целом. Книга «По направлению к психологии бытия», по мнению ее автора А. Маслоу [10], выросла из нескольких убеждений: во-первых, что самой тяжелой болезнью нашего времени является потеря системы ценностей, во-вторых, что это состояние более опасно, чем когда-либо в истории, и, наконец, что мы должны что-то сделать с этим, предприняв собственную рациональную попытку. Состояние потери ценностей, как и другие ученые-гуманисты (Ж.П. Сартр, Р. Мэй и т.д.), он описывает как аморальность, утерю корней, пустоту,

безнадежность, потерю того, во что можно верить и чему можно себя посвятить. Причину этого он видит в том, что традиционные системы ценностей потерпели крах, а новые не были предложены. Наступил «пустой период» с «малыми» войнами, расистской ненавистью и широко распространенной эксплуатацией. В качестве способа излечения необходима, по его мнению, валидная система человеческих ценностей. Человечество должно стать лучше, иначе оно окажется «стертым с лица земли» или будет вынуждено жить под постоянной угрозой исчезновения.

К. Роджерс, как и М. Бубер, свято верящий в хасидскую общину как образец общности людей, был уверен, как и А. Маслоу, что изменение существующей ситуации возможно без насилия. Он так же, как и Скиннер, пытался осуществить в 70-х годах свой идеал на практике, используя свою теорию с целью примирения ирландских католиков, протестантов и англичан. Его точка зрения нашла полное воплощение в созданном им лично центрированном подходе к психотерапии, образованию и т.д. В целом XX век – время научного анализа и осмысления форм общения, их практического применения, в связи с этим и борьба, стремление различных психологических направлений доказать свою правоту.

Как отмечают ряд ученых, многие философы утверждают, что на рубеже второго и третьего тысячелетий заканчивается одна из фаз антропогенеза. Весь мир оказался на перепутье, речь идет о смене самого типа культуры, который сформировался в рамках западной цивилизации в течение нескольких последних веков. Вполне резонно, что новая фаза антропогенеза характеризуется интересом к проблемам самореализации, самоопределения, самоактуализации и других «само», подчеркивающих роль личности в реализации своих «сущностных сил». Кроме того, начинают появляться признаки новой морали (плюралистически коммуникативной). Она ориентирует на общение и сотрудничество между людьми с различными ценностными установками и моральными убеждениями на основе соблюдения универсальных принципов, каковыми, на наш взгляд, являются

общечеловеческие ценности, поэтому она культивирует толерантность и ненасилие. Можно добавить, что возрождается и интерес к диалогу, как возможности человеческого со-существования, развития толерантности и т.п. Возможно, это и есть следствие гуманитарной революции, приходящей на смену научно- технической.

3.7. Социокультурная и общественная опосредованность общения

Таким образом, в культуре представлены все три формы общения, которые сосуществуют, переходят друг в друга. По мере развития человечества формируются различные культуры. Из общего смыслового поля, накопленного человечеством, каждая культура усваивает ценности, делая их своими (социокультурными ценностями), и человеческие отношения регулируются и претерпевают влияние, прежде всего, со стороны культурных ценностных установок, характерных для данного этноса. Они во многом связаны с национальными нормами, с ментальностью, являющейся интегральной характеристикой отношений человека и культуры. Можно предположить, что различные культуры и общественные устройства в разной степени будут создавать необходимые и достаточные предпосылки для той или иной формы общения. Причем социокультурные характеристики зависят от времени образования культуры, или от того смыслового поля, которое было уже создано человечеством и актуально в данный временной период.

Следует отметить, что разное отношение к моральным отношениям (лжи, правде) наблюдалось еще на «заре человечества». Так, многие ученые отмечают, что высшие расы проявляют лживость просто в постыдной степени, особенно в своих сношениях с низшими, по их мнению, расами. При этом в племени уганда, например, на искусного лгуна смотрят как «на ловкого, проворного малого», в Центральной Америке также об обманщике говорят «какой ловкий малый», потому что, по-видимому, не считают ложь грехом, а скорее преимуществом, хотя и исполненным коварства. А вот племена саура не умеют лгать (они «не настолько цивилизованы, чтобы

уметь изобретать»). Согласно записям Геродота, персы детей с 5 до 20-летнего возраста обучали только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Для них не было ничего более позорного, чем лгать, а затем – делать долги, потому что должник, по их мнению, неизбежно должен лгать.

Как ясно из предыдущего анализа, формирование индустриального типа общества, согласно многим ученым, сильно изменило культурные ценности. М. Вебер, например, в связи с этим выделяет традиционное и индустриальное общество. Согласно автору, важнейшим признаком традиционных обществ – отсутствие в них формально-рационального начала, преобладание традиционного и аффективного типа ориентации действия, а в индустриальном – целе - и ценностно-рационального с тенденцией вытеснения второго порядка. Это деление во многом соответствует выделению культур, ориентированных на полезность и достоинство. В тех культурах, где чаша весов склоняется в сторону полезности, безличное социотипическое поведение начинает преобладать над индивидуальным поведением в жизни человека. Такая культура, прежде всего, стремится к равновесию, к самосохранению. В ней сокращается время, отводимое на детство, а старость не обладает ценностью. Ведущей ценностью в культурах, ориентированных на достоинство, является ценность личности, независимо от того, можно что-нибудь «получить» от этой личности в плане какой-либо деятельности, или нет. В таких культурах дети, старики священы, и такие культуры подготовлены к нахождению нетривиальных решений в критических кризисных ситуациях, отмечает А.Г. Асмолов [1]. Религия также выступает фактором, влияющим на формирование культурных ценностей. Роль христианства в этом процессе уже анализировалась. Что касается других религий, то М. Вебер, например, считал, что, протестантизм, где экономический успех был возведен в религиозное призвание, создает мировоззренческие предпосылки для осуществления рационального способа поведения.

Еще одно возможное деление культур – на прагматичные – не

прагматичные, монологичные и диалогичные, Я-зависимые и Я-независимые. Прагматичные и монологичные, так называемые Я-независимые культуры, создают почву для манипуляций. Первые за счет ориентации на стремление к получению материальной выгоды, монологичные – за счет стремлению к контролю над другими и отстраненности от них при сосредоточении на собственном «Я». Я-независимые, более чем Я-зависимые культуры, ориентированы на успех, власть. Естественно, что в этом стремлении они чаще подвергаются риску, неопределенности, в связи с чем, выше вероятность использования манипуляций отдельными гражданами и снисходительное отношение к ним общества. Монокультурный подход характерен для западноевропейской и североамериканской культуры. Согласно С. Московичи, для западного типа общественного устройства характерно то, что он опирается на контроль над средствами информации. Поэтому видимое господство подменяется внутренним невидимым (манипулятивным) господством. Не западные же культуры (восточные, азиатские, южно-европейские, латиноамериканские культуры) ориентируются на установление эмоциональных контактов с другими, соответствие им, что позволяет отнести их к Я-зависимым культурам. При таком подходе, по мнению ряда ученых, формируется взгляд на «Я» как личность, зависящую, неотличимую от других.

Что касается России, то она может быть отнесена к Я-зависимым, не прагматичным культурам, ориентированным на достоинство, что согласуется и с идеями значимости положительных связей с другими, проповедуемыми православием, долгое время являющимся духовным приматом российской культуры [14]. Западноевропейские, протестантские культуры – монологичны и прагматичны. Американская культура, формируясь в период расцвета индивидуализма человека, развития технических устройств (в том числе и СМИ) и рыночных отношений (когда культура везде «манипулирует»), может быть охарактеризована как Я-независимая, прагматичная, монологичная. Можно предполагать, что она более

благосклонна к манипуляциям, чем русская, а также то, что манипуляции нашли оправдание в американском бихевиоризме.

Однако кроме социокультурных, существуют еще и предпосылки, создаваемые тем или иным общественным устройством. Согласно А. Маслоу хорошее общество – это общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию и раскрытию человеческих возможностей, то есть расцвету его человеческой природы. Ключевая идея разрабатываемого им синергизма состоит в том, что общество с примитивной культурой, равно как и общество с высокоразвитой индустрией, строится на одной тенденции: действовать во благо окружающим. В невротическом, постоянно угрожающем человеку обществе в борьбе за выживание, наоборот, удобнее быть манипулятором. Тоталитарные режимы, в силу недоверия и стремления жестко контролировать общественную ситуацию, обесценивают человека, превращают его в «винтик, механизм», которым можно манипулировать. Демократические устройства, напротив, предполагают «равенство», что в целом уменьшает количество манипуляций.

Спенсер, например, отыскивая причины лживости или правдивости рас, приходит к выводу, что существование деспотического правления приводит к преобладанию лжи - результата запугивания и злоупотреблений. Он приводит в качестве примера восточно-африканских рабов, которые «стараясь говорить то, что может понравиться». Свобода же внушает искренность, также как и другие мужественные качества. Исходя из этого, он заключает, что рабство и тирания деморализуют, а к обману прибегают как к орудию защиты от опасности (манипулируют от бессилия).

Пожалуй, трудно лучше выразить смысл диалога, как основы демократии, и невозможность ее манипулятивной природы, чем это сделали русские экзистенциалисты, не принявшие идей Н. Макиавелли. Так, С.Л. Франк [16] отмечает, что подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежит в идее непогрешимости, в своеобразном сознании обладания абсолютной истиной. Он считает, что на истории античного мира можно

было бы проследить, как развитие деспотизма и упадок свободы идут рука об руку с развитием чувства авторитета. Средневековой деспотизм целиком опирается на высший, сверхчеловеческий авторитет церкви и божественной власти, но и в типичном мировоззрении Нового времени (с его идеями Руссо, народовластия), явно прослеживается связь между деспотизмом и идеей непогрешимости. Таким образом, для С.Л. Франка деспотизм адекватен догматизму, свобода – критицизму, а постижение правды совершается лишь как бесконечный процесс соборного просвещения и воспитания всего человечества. Идея общественной морали, построенной на принципе критицизма и противопоставленной деспотизму, который вытекает из догматизма, пишет автор, единственное прочное обоснование идеалу демократического устройства общества. Так как нет точных критериев абсолютного добра и абсолютной истины, единственный выход, пишет автор, предоставить выбор всем, коллективной мысли народа. Это единственное средство обеспечить выбор истинного пути или лучших умов для его отыскания. Нужно предоставить возможность истине выработаться в результате «естественного взаимодействия и трения всех воззрений, характеров, способностей и духовных сил». Несоввершенство человеческой природы есть аргумент не против демократии, а в ее пользу, ибо оно лишает силы все планы политического устройства в форме опеки и призывает все общество к решению непосильной для отдельного лица задачи осуществления общественного блага. Из этого следует, что ценность демократии не в том, что она власть всех, а в том, что она есть свобода всех. Поэтому демократия означает и освобождение от опеки, и уничтожение привилегий немногих на господство. И истинное значение демократии состоит не в передаче власти большинства, а в ограничении каждой индивидуальной воли волею всех остальных членов общества. Отсюда С.Л. Франк делает вывод: демократия, основанная на свободе, есть наилучшая из возможных форм политического устройства, а демократия, основанная на деспотизме – наиболее несостоятельная его форма. Причем переход от

деспотии к демократии может совершиться лишь на основе внутренней, духовной эволюции, на основе развития нравственно-философского мирозерцания и умонастроения. Только общественный строй, основанный на признании общечеловеческих ценностей, на внутреннем моральном уважении ко всем мнениям и верам (равноправии), на терпимости, истекающей из независимого критического мышления, образует прочную твердыню свободного демократического устройства.

Общественные устройства «накладываются» на социокультурные традиции, которые в таком случае могут способствовать их процветанию или препятствовать ему, так как менталитет народа формируется веками и, хотя и претерпевает изменения, но не столь существенные. Изменившиеся в последние годы общественно-политические и социально-экономические условия жизни в России, например, пока в корне не поменяли психологические стереотипы поведения людей, нормы и ценности. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования. Хотя, конечно, новые общественные условия оказывают определенное воздействие на социокультурные российские ценности. Поэтому понятны опасения некоторых ученых: стихийное вхождение в мировое информационное пространство может привести к разрушению культуры России, к навязыванию чуждого ей образа жизни, представляющего угрозу ее национальному суверенитету.

Таким образом «вплетение» индивидуального в социальную реальность содержит в себе еще социокультурный контекст и общественный, определяемый реальной системой индивидуальных и социальных связей этноса. Каждое общество формирует уникально-своеобразную конфигурацию ценностей. В каждой культуре есть ценности отрицательные и положительные (безусловные и относительные), и оригинальность каждой из культур, отмечал К. Леви-Стросс, прежде всего, в ее собственном способе размещения ценностей, которые общи всем людям. Только значимость их никогда не бывает одинаковой в разных культурах. В этом смысле, можно

согласиться с некоторыми философами, «вечных» ценностей нет, а есть вереница временных ценностей, из которых каждое время делает свой отбор и отобранные ценности называет «вечными». Однако сами авторы отмечают, что отобранные ценности должны быть полезны как для выживания отдельного человека, так и всего человечества, то есть быть общечеловеческими ценностями. Поэтому социокультурные и общественные ценности могут находиться и в определенном «ценностном» противоречии. Кроме того, существуют механизмы по выработке неопределенности, предполагающие осуществление индивидуального поведения личности. Многочисленные этнографические данные позволяют предполагать, что уже на самых ранних этапах антропосоциогенеза поведение не сводилось к безличному и не вмещалось в рамки чисто адаптивных рациональных действий.

Итак, как можно заметить, все три формы общения представлены в истории человечества, благодаря им формируется общее смысловое поле и ценности, что подтверждает их онтологический статус. Проведенный анализ позволяет конкретизировать, как и почему это происходит. Из стремления жить в гармонии с миром природы, родилась и потребность жить в гармонии с себе подобными, как ее неотъемлемой части. При этом Другие неотделимы от жизни, способствуют выживанию, что в дальнейшем приводит к включению их в смысл жизни. Первые **функции общения** – сплачивать, способствовать совместности жизнедеятельности и оказание взаимопомощи, предполагающей равенство, из которого родилась нравственность. Сначала появляется значимость (ценность) Других, и переживания еще связаны с коллективными переживаниями. Игра, пока как «наследие» животного мира, и диалог, как стремление к взаимности, сильно пересекаются, почти неразличимы. Но именно из ориентации на диалог, зачатков нравственности и значимости для жизни Других начинают формироваться общечеловеческие ценности, то есть они и стали теми превращенными формами жизненных отношений, составившими суть общечеловеческих ценностей как смысловых

образований. Они соответствуют естеству человеческой природы и всем людям, независимо от места проживания и т.п. В Римской империи впервые манипуляции занимают достаточно значимое место. Однако еще нет условий для их распространения. По мере развития самосознания формируется ценность «Я». Христианство утвердило право личности на самостоятельный, ответственный и нравственный выбор, сопровождающийся бытийными переживаниями, а молитва, способствовала осознанию значимости «Другого», развитию внутреннего диалога, что в дальнейшем найдет отражение в отношениях с другими людьми.

Средневековье – удивительное сочетание и переплетение всех форм общения. Это и продолжение идей диалога, самая яркая «игра бытия» и «официальное» оформление манипуляций в виде макиавеллизма. Переломными для европейской культуры оказались ХУП-ХУШ века, которые «заигрались»: в это время наблюдается отход от естества человеческой природы, следовательно, и от общечеловеческих ценностей, нравственность стала определяться не равенством перед бытием, а выполнением социальных функций, «равенством» социальных позиций, а жесткое следование правилам слишком обезличивало человека и не позволяло проявляться в должной мере индивидуальности. В Новое время человек еще больше уходит от своей сущности и экзистенциальной связи с другими. Приоритетной становится «полезность». Увеличение значимости «Я» сопровождается уменьшением значимости другого и общения, как необходимого атрибута бытия, появляется предпосылка к манипуляциям – стремление господствовать и контролировать природу, себя, других. Это первая и главная причина, разрушающая гармонию, основывающуюся на равенстве и проложившая путь манипуляции. В рекламе, как продукции СМИ, положивших водораздел между естественными и непосредственными отношениями и опосредованными, начинают систематически использоваться манипулятивные приемы, скрытая реклама. В это время происходит серьезная переоценка ценностей, происходит подмена жизненных целей

средствами, зародилась массовая культура.

Значимость «полезности» наблюдается и в последующее время. В XIX веке созданы все объективные условия для манипуляций (кроме стремления к контролю, приоритет рационального над эмоциональным, рыночные отношения с коммерческой конкуренцией, не соответствующей человеческой природе, мозаичная культура, породившая «человека массы»), игра переходит в псевдоигру (манипуляцию), диалог вытесняется. Это приводит к появлению главной внутренней предпосылке манипулирования (недоверию к себе и другим) в полной мере проявившейся в XX веке – времени разобщения людей. Потеря ценности Другого переживается как потеря смысла жизни.

Перефразируя В.А. Шкуратова: «каждая эпоха по-своему теряет и находит человека», - можно тоже сказать и о диалоге, который каждая эпоха по-своему теряет, но потом вновь находит. Научный интерес к диалогу, как «человеческой» форме общения, проявляется в сложные (противоречивые) периоды общественных формаций и при переходе человечества к новому веку (XIX, XX) и тысячелетию, что выразилось не только в привлечении внимания, например, отечественной психологии к диалогу, но и в стремлении воплотить его в жизнь в диалоге государств, наук, культур и т.п., а в целом – в идеи толерантности и ненасильственной коммуникации.

Система отношений, господствующая в культуре в определенный период, влияет на создания той или иной ее разновидности в данный промежуток времени. На культурный фактор, по мере развития человечества накладывается еще одна важная для его выживания система – религия. И, наконец, общество, выступая в роли активно субъекта по отношению к конкретному человеку, стремится формировать у него те ценностные установки, которые необходимы для успешной адаптации в данной общественной и социо-экономической системе. Общественные отношения более динамичны, могут соответствовать или не соответствовать социокультурным традициям, а также общечеловеческим ценностям. От

этого во многом зависит и формирование внутреннего мира личности, и ее переживания. С психологической точки зрения (как адаптация к конкретным условиям с целью выживания) в зависимости от культуры, общественных устройств эффективной может быть любая из форм общения. Но в онтологическом плане самой эффективной формой, способствующей выживанию человечества, выступает диалог. Согласно проведенному анализу, появление манипуляций не являлось закономерной исторической необходимостью, что в определенной степени лишает их онтологического статуса. Тем не менее, эта форма общения рассматривается как онтологическая. Такое допущение следует из того, что она может способствовать выживанию отдельного человека в «несовершенном» человеческом обществе и из особенностей экзистенциального и онтологического анализа явлений. Согласно экзистенциализму, как «высшее», так и «низшее» одновременно определяют человеческую природу и являются ее характеристиками: ничто не должно отбрасываться, только интегрироваться. Что касается онтологии, то она, как отмечалось, оперирует парными категориями, главные из которых «бытие-небытие». В ракурсе данного анализа диалог может быть представлен как «бытие», а манипуляция – как «небытие», так как не выполняет онтологических функций (не соединяет и не объединяет людей). Чем больше культура, общество ориентировано на диалог, тем меньше в них находится место манипуляциям, и наоборот. Между ними находится еще одна форма общения – игра, которая также является онтологической формой. Она связана с развитием культуры, необходима для социальной жизни индивидуума и социума, делая их взаимозависимыми и обеспечивая социальную адаптацию к конкретным общественным и социальным условиям. Однако она не должна подменять само «бытие» и бытийную форму общения – диалог. Как самостоятельная онтологическая форма, игра носит временный характер, часто является переходной формой между диалогом и манипуляцией.

3.8. Литература к модулю

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. – 528 с.
2. Голубовский Б. Пластика в искусстве актера. М.: «Искусство». 1986.
3. Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в практике междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] //Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.02.2010).
4. Дерябо С. Д. Феномен субъектификации природных объектов : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : Москва, 2002. 365 с. <http://www.dissercat.com/content/fenomen-subektifikatsii-prirodnnykh-obektov>
5. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.- 319 с.
6. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Том. гос. ун-т, 2005.- 174 с.
7. Левинас Э.: Путь к другому. /Сборник статей. СПб: Изд-во С-Петербургского университета. 2006.- 219 с.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание М. Смысл 2003. — 487 с.
9. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994.- 399 с.
10. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е. М.: Изд – во ЭКСМО – Пресс, 2002.- 272 с.
11. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Издательство: ~~Институт общегуманитарных исследований~~. 2013. - 224 с.
12. Мэй Р. Любовь и воля. М.: Изд-во «Рефл-бук». 1997. - 376 с.

13. Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика. Избранные труды по психологии. Издательства: МПСУ, МОДЭК. 2013. - 456 с.
14. Рюмшина Л.И. Социокультурные предпосылки манипулирования, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. 68 с.
15. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М. 2004.- 407 с.
16. Франк С.Л. Духовные основы общества М.: Издательство: ~~Директ Медиа, 2008.~~ - 398 с
17. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл / Общ. ред. и послесл. Г.М. Тавризян. М.: «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992.- 464 с.
18. Шкуратов В.А. Психика. Культура. История. (Введение в теоретико – методологические основы исторической психологии). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1990. - 256 с.
19. Шкуратов В. А. Историческая психология. / Ин-т «Открытое общество». — 2-е изд. — М.: Смысл, 1997. — 505 с.

3.9. Контрольные вопросы к модулю

1. Почему культура является источником личностных ценностей и контекстом социального существования человека.
2. Какие бытийные функции выполняет общение.
3. В чем проявляется социокультурная опосредованность форм общения.
4. В чем заключается общественная опосредованность форм общения.
5. В какой исторический период начинается интенсивный расцвет манипуляции?
6. Почему манипуляции не были онтологически predetermined?
7. В чем психологический смысл и онтологическая бессмысленность манипуляций?
8. Почему манипуляция антипод диалога
9. Каковы онтологические критерии эффективности общения.

10. Какова роль онтологических форм общения в формировании общечеловеческих ценностей.

Заключение

Итак, роль общения в жизни отдельного человека и человечества в целом крайне велика. Несмотря на многочисленные исследования, в той или иной мере раскрывающие его содержание, только признание его роли в человеческом бытии, позволяет в полной мере оценить значимость этого явления в человеческой жизни. Это отмечалось не только учеными экзистенциально-гуманистической психологии, но и классиками отечественной психологии, которые, однако, отмечали, что для осуществления онтологического анализа психологических явлений необходимо, чтобы российская психология стала наукой о человеке, а не о психических явлениях; стала понимать происходящее в мире; развитие ее должно идти не по отраслям, а по проблемам, сближающим общую психологию, социальную, историческую и другие области психологического знания; апеллировала бы к «вершинным» проблемам психологии; ушла от излишней естественно научности; обратилась бы к системности, где большая роль будет отводиться связи психологии с этикой, аксиологией. Иными словами, экзистенциальную сущность общения можно изучить лишь при учете совокупности всех его проявлений и компонентов, что стало возможно осуществить через анализ «ценностей» и «смыслов». Они позволяют рассматривать обозначаемые ими реалии как целостные образования и придают им методологический и онтологический статус.

С позиций онтопсихологии общение предстает как целостность, несводимая к своим составляющим (партнерам), но от них непосредственно зависящая. Благодаря общению появляется и существует смысловая реальность, «смысл целого», в свете которого приобретает смысл человеческая жизнь, Другой и общение. Оно, обеспечивая существование

групп и отдельного человека, проявляется на различных уровнях: индивидуальном, социальном, экзистенциальном.

Бытийная сущность общения может быть представлена в различных формах (диалоге, игре, манипуляции). В развитии культуры можно выделить различные периоды, характеризующиеся преобладанием той или иной формы общения. Из стремления жить в гармонии с окружающим миром родилась и потребность жить в гармонии с себе подобными. Из ориентации на диалогические отношения (зачатков нравственности и значимости для жизни Других) начинают формироваться общечеловеческие ценности. Они и стали теми превращенными формами жизненных отношений, составившими суть общечеловеческих ценностей как смысловых образований. Они соответствуют естеству человеческой природы.

Онтологические функции общения – сплочение, соединение, объединение, приобщение и взаимопомощь, основывающаяся на равенстве и ставшая первым нравственным принципом. Эффективно то общение, которое способствует их осуществлению и дальнейшему развитию отношений, что возможно в случае удовлетворенности ими партнеров.

Таким образом, человек не только живет в пространстве смыслов, но и приходит в мир, где благодаря общению уже существует определенное смысловое поле, смысловая реальность, созданная человеческой культурой, социокультурными и общественными ценностями. Они усваиваются, интериоризируются конкретным человеком в процессе реального (в современном обществе, и опосредованного СМИ) общения, становятся личностными ценностями. Именно они выступают главными регуляторами жизнедеятельности человека, в том числе и общения, предопределяя отношение к себе, другим и самому коммуникативному акту, выбору межличностной формы общения.

Основная литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. – 528 с.
2. Бахтин М. Собрание сочинений: В 7 т. / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. — М., 1996
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960—1970 гг. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. -800 с.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: ООО Изд-во АСТ, 2004. - 333 с.
5. Бодалев А.А. Психология общения. Издательство: МОДЭК, МПСИ. 2007. -230 с.
6. Братусь Б.С. Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 67-92.
7. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения: уроки Джеймса Бюдженталя. М.: Смысл, 2001. 197 с.
8. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом. Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 201-223.
9. Дерябо С. Д. Феномен субъектификации природных объектов : Дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 : Москва, 2002 365 с. [Электронный ресурс] <http://www.dissereat.com/content/fenomen-subektifikatsii-prirodnikh-obektoy>. (дата обращения: 10.05.2014).
10. Каган М.С. Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988.- 319 с.
11. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание М. Смысл 2003. - 487 с.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского

- дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 1994. - 399 с.
13. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / Пер. с англ. — 2-е изд., испр. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011. - 496 с.
14. Маслоу А. По направлению к психологии бытия / Пер. с англ. Рачковой Е. М.: Изд – во ЭКСМО – Пресс, 2002. - 272 с.
15. Мэй Р. Открытие Бытия. Издательство: ~~Институт общегуманитарных исследований~~. 2014. - 192 стр.
16. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. Издательство: ~~Институт общегуманитарных исследований~~. 2013. - 224 стр
17. Мэй Р. Сила и невинность. Издательство: ~~Винтаж~~. 2012. -.224 с.
18. Роджерс К. Гуманистическая психология: теория и практика. Избранные труды по психологии. Издательства: МПСУ, МОДЭК. 2013. - 456 с.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. - 288 с.
20. Рюмшина Л.И. Ценностно-смысловой подход к общению. Ростов-на-Дону. 2004.- 176 с.
21. Рюмшина Л.И. Онтопсихология общения. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. Германия, 2011.- 366 стр.
22. Рюмшина Л.И. Социокультурные предпосылки манипулирования, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. 68 с.
23. Рюмшина Л.И. Онтопсихология общения /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с. 51-52.
24. Рюмшина Л.И. Игра как форма общения. /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с. 66.
25. Рюмшина Л.И. Манипуляция /Психология общения. Энциклопедический словарь/Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с.76-77.

26. Рюмшина Л.И. Ценности личности в общении. / Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. Ред. А.А. Бодалева. 2-е издание, исправленное и дополненное М.: Когито-Центр. 2013. с.161-162.
27. Смысл жизни и акме: 10 лет поиска. М. 2004.- 407 с.
28. Франк, С.Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии / С.Л. Франк. -М.: АСТ, 2007.- 510.
29. Франк С.Л. Духовные основы общества М.:Издательство: ~~«Директ Медиа», 2008.~~ - 398 с
30. Франкл В. Человек в поисках смысла. Сборник: Пер. с англ. И нем. / Общ.ред. Л.Я.Гозмана и Д.А.Леонтьева. М.:Прогресс, 1990.- 368 с.
31. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл / Сост., предисл. и пер. Д. В. Сильвестрова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. - 464 с.
32. Шкуратов В.А. Психика. Культура. История. (Введение в теоретико – методологические основы исторической психологии). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1990.- 256 с.
33. Шкуратов В. А. Историческая психология. / Ин-т «Открытое общество». — 2-е изд. — М.: Смысл, 1997. - 505 с.

Дополнительная литература

1. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960—1970 гг. — М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2002. - 800 с.
2. Белоусова А.К. Самоорганизация совместной мыслительной деятельности. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2002.- 360 с.
3. Бердяев Н.А. Введение // Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон +; Реабилитация, 1998. С. 9-20.
4. Братченко С.Л., Рюмшина Л.И. Многоликость и «вечность» диалога // Материалы 1У съезда психологов. Ростов-на-Дону, 2007.
5. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. СПб: Питер, 2001. - 294 с.

6. Выготский Л.С. Психология / М.: ЭКСМО - Пресс 2000. [Электронный ресурс]http://www.coolreferat.com/Культурно-историческая_концепция_Л_С_Выготского_часть-4. (дата обращения: 18.05.2014).
7. Грининг Т. История и задачи гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1998. №4.
8. Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в практике междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.02.2010).
9. Крипнер С.Р. де Карвало. Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал. 1993. № 2. С.113-126.
10. Лебедева Н.М. Базовые ценности русских на рубеже XXI века // Психологический журнал, 2000. Т.21, №3. С. 73-87.
11. Левинас Э. Путь к другому. /Сборник статей. СПб: Изд-во С-Петербургского университета. 2006.- 219 с.
12. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы У1 Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. – М., Краснодар: Кубанский гос. Ун-т. 2013. – 355 с.
13. Менегетти А. Учебник по онтопсихологии/Издание 2-е, переработанное и дополненное. Перевод с итальянского ННБФ «Онтопсихология». — М.: ННБФ «Онтопсихология», 2007.- 608 с.
14. Мэй Р. Любовь и воля. М.: Изд-во «Рефл-бук». 1997. 376 с.
15. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
16. Рюмшина Л.И. Роль идей А.А. Бодалева в развитии онтологического взгляда на общение. Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского). Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (с иностранным

участием) Краснодар, 25–26 октября 2013 г. С. 95-98.
17. Шестов Л. И. Сочинения. -М.: Раритет, 1995,- 431 с.

Итоговые контрольные вопросы

1. Почему системообразующим фактором онтологических форм общения выступают ценности
2. Какие понятия лежат в основе онтопсихологии общения
3. Какие подходы к ценностно-смысловой детерминации общения можно выделить в отечественной психологии.
4. Опишите диалог как онтологическую форму общения.
5. Опишите игру как онтологическую форму общения.
6. Опишите манипуляцию как онтологическую форму общения.
7. Чем отличаются онтологические формы общения между собой.
8. Почему системообразующим фактором онтологических форм общения выступают ценности
9. Какие понятия лежат в основе онтопсихологии общения
10. Какие подходы к ценностно-смысловой детерминации общения можно выделить в отечественной психологии.
11. Опишите диалог как онтологическую форму общения.
12. Опишите игру как онтологическую форму общения.
13. Опишите манипуляцию как онтологическую форму общения.
14. Чем отличаются онтологические формы общения между собой.
15. Почему культура является источником личностных ценностей и контекстом социального существования человека.
16. Какие бытийные функции выполняет общение.
17. В чем проявляется социокультурная опосредованность форм общения.
18. В чем заключается общественная опосредованность форм общения.
19. В какой исторический период начинается интенсивный расцвет манипуляции?

20. Почему манипуляции не были онтологически predeterminedены?
21. В чем психологический смысл и онтологическая бессмысленность манипуляций?
22. Почему манипуляция антипод диалога
23. Каковы онтологические критерии эффективности общения.
24. Какова роль онтологических форм общения в формировании общечеловеческих ценностей.